

К.Н. БРУТЕНЦ

МОЖЕТ ЛИ ЕВРОПА СКАЗАТЬ “НЕТ” АМЕРИКАНСКОМУ ПАТРОНАЖУ?

Роль Европы как субъекта международной жизни, определяемая ее огромным потенциалом – материальным, интеллектуальным – не оставалась неизменной во все времена. Она знала свои взлеты и падения.

На этапе превращения мировой истории в более или менее взаимосвязанный процесс, именно Европа выступила его движущей силой, хотя и через колониальное и полуколониальное порабощение стран других континентов. Без малого пять веков назад, когда до Индии и Молуккских островов добрались португальские каравеллы, открылась эпоха подчинения европейцами Азии. Еще раньше началось “освоение” Африки, Южной и Северной Америки. Наступило время господства европоцентризма, длившееся три столетия. Он служил концептуальной основой мировой политики и фундаментальной базой всех научных изысканий в этой области. Мир “вращался” вокруг Европы.

Но в начале XX в. на международную авансцену выступила новая мощная сила с глобальными геополитическими амбициями – Соединенные Штаты Америки, и повышение ее статуса стало происходить в большой мере за счет позиций и роли Европы. В то время как европейские государства погрязли в глубоких противоречиях и кровопролитных войнах, новая великая держава, отгороженная океанами от полей сражений, неуклонно наращивала свой потенциал. Ее влияние резко возросло за счет участия США в двух победоносных мировых войнах, особенно – во второй. Она превратила США в мировую державу.

Европа – пожалуй, главный “трофей” США во Второй мировой войне. Это важнейшая часть структуры американской мировой гегемонии, ее существенная опора, первоисточник в материальном, политическом и психологическом отношениях. Плотная зависимость от влияния США она фактически расширяет их границы. Окольцованная НАТО, Европа служит как бы военно-политическим продолжением североамериканского континента. И любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния. Как подчеркивал З. Бжезинский, “без тесных трансатлантических связей главенство Америки в Евразии сразу исчезнет”. Обозначая американский подход, он называет Европу “евразийским плацдармом для американского могущества”¹. Не менее определенные высказывания по этому поводу содержатся в докладе Национального Разведывательного Совета США: “Как предполагает сценарий *Rax Americana*, трансатлантическое партнерство будет ключевым фактором для способности Вашингтона оставаться центральным фактором международной политики”².

Брутенц Карен Нерсесович – доктор исторических наук, профессор.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2002, с. 76, 94. Практически такое же мнение высказывает Г. Киссинджер: “Отделенные от Европы, – писал он, – Соединенные Штаты геополитически превратятся лишь в остров, удаленный от берегов Евразии, и окажутся в том же положении, в каком в XIX в. Великобритания находилась по отношению к Европе”. – Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002, с. 52.

² Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council’s 2020 Project. Political Implications. Washington, 2004, p. 6.

Без европейского “плацдарма” США были бы в значительной мере отброшены к своим континентальным границам. Более того, Соединенные Штаты съезжились бы и оказались бы практически в одиночестве перед лицом большей частью недружественного или даже враждебного им мира. Благодаря своему имиджу более мягкой и склонной к компромиссу силы Европа иной раз может служить и “розовой оболочкой” для американских инициатив.

Вторая мировая война нанесла жестокий удар по политическому статусу Европы, положив конец миру, в центре которого находилась именно она. Разгромленная Гитлером, разграбленная и разоренная в своей значительной части, затем оккупированная войсками коалиции, Европа на исходе войны оказалась в биполярном мире, разделенной и расчлененной (Германия), лицом к лицу с советским блоком. Западная Европа не имела выбора, и ее укрыл американский военный зонтик. США – держава-покровитель, разумеется, диктовала свои правила, и это тем легче было сделать, что избавленные от гитлеризма народы испытывали естественную благодарность к американским освободителям.

Западная Европа де-факто превратилась в протекторат США, которые контролировали внешнюю, а во многом, кстати, и внутреннюю политику европейских стран. И это отнюдь не преувеличение: именно так, как протекторат, Бжезинский и именует Европу периода “холодной войны”, да и после него³.

Надежным и эффективным орудием военно-политического контроля США над Западной и Южной, а теперь и Восточной Европой служит созданный в 1949 г. по инициативе Вашингтона Североатлантический союз, в котором США имели и имеют, пусть и не прежний, но все еще доминирующий голос. Именно НАТО превращала США в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах⁴. Разумеется, увесистым аргументом в пользу именно такой расстановки сил в НАТО было и остается мощное военное присутствие США в Европе и их военное превосходство.

Крушение Советского Союза и приход на его место сотрудничающей с США, если не дружественной, России, исчезновение “советской угрозы” круто изменили условия существования Европы, положив начало ее возвращению в мировую политику, как особой и первостепенной геополитической реальности⁵. Отпала нужда в военном патернализме США, а пребывание американских войск на континенте скорее подчеркивает их роль как фактора давления на европейскую политику. Еще раньше военное присутствие США утратило функцию некой умиротворяющей силы, особенно в связи с надежным примирением Франции и Германии и созданием ими своеобразного дуумвирата. А ликвидация Берлинской стены, преодоление раздела Европы в значительной мере благодаря ее собственным усилиям радикально оздоровили европейский политический и психологический климат, помогли европейцам снова обрести уверенность в себе именно как европейцев.

В Европе возникли объективные возможности для маневра, для поиска альтернатив во внешней политике. А это подтолкнуло пробуждение “европейских” настроений на континенте, повело к постепенному укреплению “европейскости”, к поискам европейской идентичности, к осознанию своих специфических европейских интересов, которые отнюдь не всегда совпадают с американскими. Все это породило тягу (некоторые авторы называют ее “ностальгией”) к самостоятельности, положило начало процессу, который с тех пор развивается и в целом, пусть медленно, набирает силу. Почти два последних десятилетия Европа шла по этому пути – медленно, часто робко, часто пятясь назад, но все-таки шла именно таким маршрутом. Извлекая уроки из характера и итогов двух мировых войн, которые настойчиво подсказывали, что разъединение, раскол

³ Бжезинский З. Выбор. М., 2005, с. 123.

⁴ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска, с. 40.

⁵ “Эта мощная стратегическая, идеологическая и психологическая необходимость продемонстрировать, что действительно есть сплоченный Запад, рухнула вместе с Берлинской стеной и статуями Ленина в Москве”, – пишет Р. Кейган: *Kagan R. Of Paradise and Power*. New York, 2004, p. 80.

континента грозит ему не только экономическими и политическими провалами, но и новыми конфликтами, европейцы принялись за решение грандиозной задачи создания Сообщества – за самый смелый и самый плодотворный политико-экономический эксперимент нашего времени.

* * *

Европа сегодня – это Европейский союз, объединяющий 27 государств с 455-миллионным населением, уже ставший одним из важнейших центров мировой экономики и субъектов мировой политики. В экономических вопросах он способен на равных говорить с США. Более того, не США, а Европа “27” самая крупная сегодня хозяйственная сила в мире. Ее ВВП, рассчитанный по рыночной стоимости валют составляющих ЕС стран, достигает 12,7 трлн долл. Соотнесенный же с затраченными рабочими часами, он свидетельствует о более высокой производительности труда, чем в США⁶. За прошедшие с 1974 г. 30 лет в 15 государствах ЕС (до его расширения) произошло “драматическое” ее повышение (во Франции производимый за час ВВП вырос с 73 до 105% американского).

ЕС предпринимает усилия к тому, чтобы стать самой конкурентоспособной экономикой в мире. «В течение прошлого десятилетия, констатирует, например, “Экономист”, увеличение часовой производительности труда работающих было в ЕС больше, чем в Соединенных Штатах. Разрыв в общем экономическом росте отражает более быстрый рост населения США и более длинные рабочие часы, а не большую производительность труда»⁷. Европейцев еще ожидает подъем производительности за счет вовлечения женщин в работу, что уже произошло в США. Наконец, Европа не знает такого, как в США, бюджетного дефицита.

Из 140 самых больших глобальных компаний 61 – европейская и только 50 американских. Но Европа отстает от Соединенных Штатов в области некоторых передовых технологий, хотя во многих случаях это отставание постепенно сокращается. ЕС набирает научно-техническую мощь. Информационные партнеры – ЕС и США – ныне уже и партнеры-конкуренты. ЕС имеет больше технологически обученных кадров, чем США или Япония.

ЕС также крупнейший торговый блок, на его долю приходится 34% мирового оборота товаров и 51% мировой торговли услугами. К тому же в отличие от США Европа уже ряд лет имеет положительное сальдо торгового баланса. Страны ЕС – единственный нетто-инвестор в мировую экономику. За 1991–2000 гг. отток капиталовложений из Европы превысил приток на 1,05 трлн долл. “Когда ЕС предпочитает вести подлинную финансовую политику, он может играть решающую роль на мировой арене (в мировой торговле. – К.Б.) ... Мы имеем возможности не только противодействовать инициативам, которые не поддерживаем, но также определять международную повестку дня”. Эти слова бывшего комиссара ЕС по торговле, а ныне главы ВТО Паскаля Лами приводит “Экономист” и соглашается с ним⁸.

В наши дни⁹ в странах ЕС производится в 2,2 раза больше стали и цветных металлов, чем в США. С середины 80-х годов Европа превосходит США по объему производства химической, а с первой половины 90-х годов – фармацевтической промышленности. С конвейеров стран ЕС сходит ныне более 14 млн автомобилей в год – в 1,5 раза больше, чем в Америке, а концерн “Airbus” несколько лет поставлял на мировой рынок больше самолетов, чем американский “Boeing”. Средняя энергоемкость валового внутреннего продукта составляет 57% американского показателя. 7 европейских стран опережают

⁶ Prestowitz C. Three Billions New Capitalists: The Great Shift of Wealth and Power to the East. New York, 2006, p. 244.

⁷ The Economist, February 26, 2005.

⁸ The Economist, December 10, 2005.

⁹ Все эти и последующие экономические данные относятся к периоду до нынешнего финансово-экономического кризиса, хотя отражающаяся в них тенденция, несомненно, будет действовать и впредь.

США по распространенности Интернета, а 16 – по использованию мобильной связи (56% производимых в мире мобильных телефонов выпускаются под марками европейских компаний)¹⁰.

Таким образом, в экономической сфере ЕС выступает как полноценный конкурент США и между ними то и дело вспыхивают острые споры, которые переносятся на суд ВТО. И скорее всего соотношение сил в этой области будет меняться не в пользу заокеанской державы. Европейская экономика, которой американцы пророчили – из-за ее “отсталой” социально-экономической модели – устойчивую стагнацию, показала себя, “замечательно здоровой”¹¹, хотя идущие из США кризисные явления уже нашли на континенте свое продолжение.

У Европы более благоприятный внешнеполитический имидж, чем у США, как в прилегающих к ней географических зонах, так и в более отдаленных регионах – в Азии, Латинской Америке, Центральной и Южной Африке. С ЕС связаны торговлей, финансами, ввозимым туда капиталом и помощью почти 80 стран с населением 1,3 млрд человек.

Регулярно – раз в два года – проводятся встречи на уровне глав государств и правительств стран ЕС и 13 стран Азии, включая Китай и Японию. На последней сессии в ноябре 2008 г. были представлены уже 43 страны: кроме “новичков” ЕС – Индия, Пакистан и Монголия. В некоторых структурах ЕС к сотрудничеству по линии Европа – Азия относятся как геостратегическому противовесу трансатлантическим отношениям и американскому доминированию в Азии. В свою очередь и многие азиатские страны склонны рассматривать сотрудничество с ЕС также и в этом ракурсе.

В 2005 г. экспорт стран ЕС в Азию составлял 244 млрд евро (и вырос с 2001 года на 44 млрд евро), в то время как у США – 180 млрд евро. За этот же период экспорт из Китая возрос более чем вдвое, и в 2006 г. Пекин обогнал США как экспортер в эту зону. Около 25% резервов центральных банков в Азии, исключая Японию, хранятся в евро, и они постепенно наращивают уровень своих еврорезервов. Сейчас в связи с растущей ненадежностью доллара этот процесс ускоряется, в частности о присоединении к нему подумывают и страны, которые всегда служили одной из опор доллара, например, страны Залива. Все шире используются европейские стандарты при производстве автомашин, текстиля, игрушек и т.д.

Практика саммитов введена и по линии ЕС – Латинская Америка. Развитию связей со странами этого континента помогают давние исторические и культурные узы с ними Испании (которая сама проводит Иберо-американские встречи), Португалии и Франции и стремление латиноамериканцев высвободиться от доминирования США. Наконец, ЕС, где немало метрополий бывших африканских колоний – главный экономический контрагент стран Северной и Тропической Африки.

Америка меньше присутствует и повседневно в Европе. “Экономист” так описывает некоторые детали происходящих изменений: “И все же вещи меняются. В 1990 г. американский флаг – звезды и полосы – был наиболее виден среди иностранных флагов. Менялы делали большую часть своей торговли в долларах. Уличные торговцы продавали американские джинсы. Сегодня флаги большей частью Европейского Союза – голубые и золотые. Джинсы, похоже, больше покупаются с помощью кредитных карточек, выпущенных европейскими банками, в торговых центрах с названиями Европарк или Европлекс. Америка стала менее видной в бизнесе и в инвестициях. На страны ЕС приходится 3/4 торговли региона”¹².

ЕС все активнее стремится – правда, этот процесс идет с большим скрипом – выступать как единый субъект в области внешней и оборонной политики, создать институты для проведения такой политики. Уже идея G-7, с которой выступил в свое время французский президент В. Жискар д’Эстен, была задумана как средство сплю-

¹⁰ См.: *Иноземцев В.* Выбор. – Политический класс, 2005, № 2.

¹¹ The Economist, October 7, 2006.

¹² The Economist, February 2, 2003.

чения европейских стран для ограничения американского влияния (на деле, однако, получилось наоборот). В 1997 г. Амстердамский договор формально узаконил общую политику безопасности (The European Security & Defense Policy) вместе с назначением “высокого представителя” по внешней политике (им стал Х. Солана), призванного вести ее.

На декабрьском саммите 2003 г. была принята официальная “Стратегия Европейской безопасности” – своеобразный антипод американской “Стратегии национальной безопасности” 2002 г. Франция, Германия и, отметим это особо, Англия в ноябре 2003 г. создали отдельную европейскую структуру военного планирования. Но использование сил быстрого реагирования Европы, решение о формировании которых численностью в 60 тыс. человек было принято в 1999 г., будет зависеть от согласия атлантического командования, от инфраструктуры НАТО.

Европейцы в последние годы работают над созданием некоторых систем вооружения. Несмотря на сильное сопротивление американских военных и политических руководителей, они договорились о совместном производстве военно-транспортного Аэробуса, запустили проект “Галилео” (в него, кстати, инвестировала 240 млн долларов КНР) по спутниковому наблюдению с выводом на орбиту 30 спутников, что ликвидировало американскую монополию в этой области. По соглашению, заключенному в октябре 2004 г., Китай обязался инвестировать средства в исследование и развитие космической технологии, наземного оборудования и систем их применения¹³.

В 2004 г. Еврокомиссия создала Европейское Оборонительное Агентство по вооружениям (ЕДА), пока, правда, еще небольшое и не наделенное особыми полномочиями. Его цель – улучшить военные возможности Европы, консолидировать оборонные исследования и технологии и поощрять кооперацию в производстве вооружений. И определенный прогресс в этом отношении наметился: в отличие от периода “холодной войны” европейские оборонные фирмы почти в два раза чаще кооперируются между собой, чем с фирмами других стран, в частности, с американскими¹⁴.

Г. Шредер, в бытность канцлером ФРГ, при поддержке Ж. Ширака предложил – явно имея в виду обеспечить европейцам равный голос в альянсе, – создать в НАТО некую автономную площадку – трансатлантический форум для обсуждения и согласования стратегических вопросов и роли союзников. Тогда их поддержали бывший премьер-министр Италии Дж. Амато, член палаты лордов и директор лондонской школы экономики Б. Дарендорф, бывший президент Франции В. Жискард д’Эстен, которые направили открытое письмо президенту Бушу, где предлагали подумать о новом стратегическом форуме: “Чтобы сотрудничать эффективно, – отмечалось в письме – западные союзники должны принимать решения совместно”¹⁵. Но эта идея была сходу отвергнута американцами.

Разумеется, Европу связывают с США крепкие и тесные узы, которым суждено сохраняться и впредь. Европа – историческая родина американцев, у большинства из них существует и этническая близость с европейцами. ЕС и США соединяют тесная экономическая взаимозависимость и принципы политического устройства, важные стратегические интересы. Общими для США и Европы являются и многие нынешние угрозы – от терроризма до распространения ядерного оружия.

Вместе с тем с течением времени, с годами, свободными “от советской опасности”, более широкими горизонтами и возможностями во внешней политике, с более уверенным утверждением своей идентичности и “особости” и, главное, с растущими стажем и зрелостью Европейского Союза и из-за “кричащей” имперской составляющей в политике США, все заметнее становятся различия – политические, идеологические,

¹³ The National Interest, Winter 2005–2006, № 77, p. 68.

¹⁴ Однако, как считает З. Бжезинский, и он, очевидно, прав, “в течение, по меньшей мере, 10 лет, а может быть и больше, у Европы не будет достаточного политического единства и стимулов, чтобы пойти на финансовые жертвы, необходимые для превращения в военную державу глобального уровня”. – *Бжезинский З.* Выбор, с. 129.

¹⁵ The International Herald Tribune, 15.XI.2004.

социальные, культурные – между США и Европой. Все отчетливее заявляет о себе готовность формулировать и защищать свои европейские интересы. Выросли поколения, для которых вклад США в освобождение Европы от нацизма и фашизма – далекая история, они не чувствуют эмоциональных связей с американцами. На политическую сцену выходят или вот-вот выйдут прагматические лидеры, свободные от политических инстинктов “холодной войны” и привычки послушно во всем следовать за Соединенными Штатами.

* * *

В западной литературе получило распространение (а оттуда оно переключалось и к нам) клише “евроатлантическая цивилизация”. Некоторые авторы и политики идут еще дальше, говорят даже об “атлантической цивилизации”. Но обобщающий и объединяющий смысл этого термина, навеянного, прежде всего, и политическими мотивами, грешит, на мой взгляд, определенным упрощением. Не вдаваясь глубоко в эту проблему, требующую специального рассмотрения, хотелось бы, однако, подчеркнуть существование серьезных отличий Европы от США в истории, духовной жизни, в политической и поведенческой культуре, социально-экономической модели, жизненных мотивациях, в отношении к религии, наконец, во всем образе жизни¹⁶. Не может не сказаться и гораздо большая “глубина исторического поля”¹⁷. У Европы позади тысячелетия, за которые она познала и “перепробовала” почти все – античные демократии и имперский Рим, феодальные междоусобицы и монархические поединки, религиозный фанатизм и религиозные войны, колониальные захваты и две мировые войны (главным образом на своей земле), мощные социальные движения и революции. Все это не могло не повлиять на ментальность и не отвести от военных авантур, не подтолкнуть к предпочтению ненасильственных форм международных отношений, не предостеречь от не знающей сомнений самоуверенности. Профессор Р. Ламберт называет это “пропастью” в ценностях “values gap”¹⁸.

У США за плечами менее трех веков существования, они – “дитя мировой истории”¹⁹. И все это время их территория оставалась (если вынести за скобки робкое вторжение англичан в начале XIX в.) неприкосновенной. Американцы – относительно молодая нация, еще полная агрессивной энергии, лишь однажды досыта испытывавшая горечь неудачной и бессмысленной военной авантюры во Вьетнаме, и, наверное, поэтому позволившая Бушу втянуть ее и в иракскую авантюру. За все 230 лет своей истории США, исключая период “холодной войны”, ни с кем не имели равноправных отношений.

Касаясь американской социально-экономической модели, экс-канцлер ФРГ Г. Шмидт подчеркивал “категориальную разницу” между капитализмами. Европа, по его словам, ближе к капитализму с “человеческим лицом”, американский же капитализм он называл “безжалостным”. А выдающийся американский экономист Дж.К. Гэлбрайт говорил о том, что в Америке “бессердечное общество”. В США отвергается лозунг равенства, прокламируется лишь “равенство возможностей” и наряду с этим наблюдается готовность принять неравенство результатов, каким бы большим не было социальное расслоение. Но сам лозунг равенства возможностей таит в себе немало лицемерия, потому что возможности у сына богатого человека, не говоря уже о миллионере, совсем иные, чем у сына человека из предместий, рабочего или негра, особенно теперь, когда все большую роль в судьбе людей играет образование, его знакомство с техническими новациями.

¹⁶ Профессор Нью-Йоркского университета С. Козн замечает: “Америка очень провинциальная страна. Это не Европа. Мы не европейская страна. У нас совсем другой исторический опыт... Мы живем вне европейской истории”. – Известия, 5.IV.2007.

¹⁷ См: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003, с. 311.

¹⁸ The Foreign Affairs, March – April 2002.

¹⁹ Определение принадлежит нынешнему президенту Израиля Ш. Пересу. Он употребил его в беседе с М.С. Горбачевым.

Среднестатистический американец работает на треть больше европейца²⁰. Теперь, применяя старую присказку, иной раз говорят: “Американцы живут, чтобы работать, а европейцы работают, чтобы жить”. Но к американским ценностям никогда не относилась общественная солидарность и глубокая социальная интеграция.

В европейских странах деньги тоже обладают огромной силой, но они все же не превратились в икону. В Европе все еще популярно социальное государство с сильной системой защиты менее и мало обеспеченных, тенденцией к известному сглаживанию социальных контрастов, хотя в ряде стран континента уже сделаны и предпринимаются шаги, условно говоря, в “американском” направлении. В отличие от американцев европейцы делают акцент не на равенстве возможностей, но, прежде всего, на смягчении неравенства результатов их деятельности. Европейцам трудно понять, как в США мирятся с тем, что огромное число американцев не имеет медицинской страховки, живет ниже уровня бедности, а управленцы получают в сотни раз больше, чем работающие под их началом.

Для характеристики американских и европейских традиций в этой области предоставим слово газете “The Financial Times” – голосу английского бизнеса. Важность вопроса, надеюсь, оправдывает пространность цитаты: “Несомненная правда в том, что европейцы, особенно континентальные европейцы, гораздо больше, чем американцы, склонны возражать против самого принципа безудержной власти рынка... Разница в неравенстве между США и Европой связана столько же или больше с перераспределением, как и с неравенством доходов. В то время как неравенство в зарплатах является сходным, в Соединенных Штатах денежное пособие уменьшает пропорцию семей, живущих в бедности менее чем на 1/4, а повсюду в Европе социальные системы уменьшают эту пропорцию больше, чем на половину. Среди богатых стран в США пропорционально больше живущих в бедности.

Европейские рабочие также гораздо лучше защищены, если теряют работу. Для семьи с двумя детьми и одним кормильцем сокращение будет означать уменьшение дохода на 30% во Франции, на 36% – в Норвегии и на 59% – в США. Сверх того работающие европейцы получают более высокий социальный доход – государственное образование, медицинскую помощь и жилье, предоставляемое государством бесплатно или сильно субсидируемое – независимо от того является человек работающим или нет”²¹.

А Д. Мойси, заместитель директора французского Института международных отношений, издатель журнала “Внешняя политика” (“Politique Etrangere”)²² пишет: «Даже если термин “третий путь” мало содержателен, в Европе под ним понимают нечто вполне реальное: менее идеологичная и более культурная “европейская модель”. Современная европейская модель капитализма сочетает гибкость, динамизм и гуманистическую традицию. Европейцы открыли свою собственную soft power (мягкую силу. – К.Б.), – это прежде всего определенное качество жизни, которое характеризуется естественным разнообразием»²³. Наконец, швейцарский министр иностранных дел Мишлен Калми-Фрей заявила, что «европейцам свойственно внимание к человеческому, что отличает нас от США. И это вопрос глубокого “культурного различия”»²⁴. Подобные рассужде-

²⁰ См.: *Иноземцев В. Ор. cit.*

²¹ Этой же темы коснулся Э. Бар – европейский политик и соратник В. Брандта – на симпозиуме в Москве, заявив, что между американской и европейской традициями большая разница. Если европейская традиция – это человек плюс рынок, то американская – чистый рынок.

²² “Экономист” назвал его «пандитом» (мудрецом. – К.Б.) по внешней политике».

²³ The Foreign Affairs, July – August 2001.

²⁴ The Moscow Times, 31.I.2003. Многие европейские лидеры сейчас в условиях “экспортированного” из США финансового кризиса особенно склонны подчеркивать преимущества европейской экономической модели. Министр финансов ФРГ П. Штайнбрюк даже заявил о “крахе англосаксонской модели бизнеса”.

ния можно встретить и у многих американских авторов, не принадлежащих к лагерю правых²⁵.

Несмотря на общность демократических институтов и процедур, политическая жизнь в Европе, как правило, прозрачнее и не подчинена такому тотальному, почти неприкрытому засилию денежного фактора.

Конечно, в Европе есть разные политические течения, разные позиции и настроения, в том числе близкие к американским, и их не стоит недооценивать. Но в целом европейцы заметно более сдержаны, когда речь идет о применении силы. Большинство европейских государств практически отвергло доктрину Буша с ее центральным положением – так называемым “преимущественным правом” наносить упреждающий удар. Их расхождение с Вашингтоном по поводу роли военной силы в международных отношениях лишь углубляется ориентацией США на спасение мира “молитвами и бомбами”. Европейцы часто видят проблему там, где США усматривают угрозу. Хавьер Солана, представитель ЕС по внешней политике, эти разногласия охарактеризовал так: “У ЕС специфическая культура, основанная на предупреждении внешнего насилия путем диалога и внимательного исследования экономических и социальных корней насилия”²⁶.

Европейцев все больше волнует вопрос о том, кто будет “сторожить сторожа”, иначе говоря, каким будет мир, если США станут бесконтрольно вершить суд над всеми, даже с целью, как им самим это видится, творить добро и поддерживать либеральную демократию. Европейцы давно испытывают опасения по поводу чрезмерно жесткой, высокомерной политики США. Даже в начале 80-х годов, как свидетельствует бывший специальный представитель США по вопросам отношений с Россией и странами Восточной Европы при президенте Б. Клинтоне С. Стефанович, когда “холодная война” усиливалась, многие европейцы хотели от США не только защиты, но и политики, которая была бы менее чревата втягиванием их в ядерную войну. За 20 лет до вторжения США в Ирак советник Г. Шмидта по национальной безопасности в беседе со мной сетовал, что “американские неоконсерваторы” подвергают риску мир своими поисками путей к победе над “злом”.

В Европе, хотя и не без оглядки на США, постепенно формируется собственный и привлекательный для многих за ее рубежами взгляд на то, каким может и должен быть мир. Причем исходный тезис состоит в том, что на мировую политику можно влиять, оставаясь гражданским, а не милитаризованным обществом, так как в современном мире, свободном от прежних идеологических конфликтов и широкомасштабного военного соперничества, существенно больше предпосылок для поиска консенсуса, для переговоров, для компромиссного улаживания споров. Поэтому страны ЕС до середины 90-х годов (события в Югославии) избегали участия в военных конфликтах, и ныне они на это идут неохотно²⁷, делая ставку на так называемую мягкую силу, на экономическое и культурное воздействие.

На эти же особенности европейского подхода – может быть, несколько идеализируя его – указывал советник министра торговли при президенте Р. Рейгане К. Престовиц: “Эта новая Европа многообразна, терпима... Она делает акцент на сотрудничество через

²⁵ Так издатель и редактор журнала “The American Prospect” Р. Картнер констатирует: “Конечно, Европа развила свои собственные социальные институты – всеобщую медицинскую помощь, щедрую пенсионную систему, бесплатную или субсидируемую государством заботу о детях для работающих родителей, менее коммерциализированные и более здоровые выборы... Америка практически в среднем слегка богаче Европы, но более 80% западноевропейцев живут лучше, чем их американские двойники потому, что наши богатства в основном сконцентрированы наверху”. – The International Herald Tribune, 24.II.2005.

²⁶ Цит. по: Prestowitz C. Rogue Nation. New York, 2003, p. 241.

²⁷ США лишь с большим трудом удалось добиться направления сил НАТО в Афганистан, причем европейские страны, исключая, конечно, Англию, ограничились посылкой небольших контингентов, оговорившись к тому же в ряде случаев, что они не будут принимать участия в военных действиях.

диалог, на переговоры и консенсус. Она скорее за мир, чем за войну, за сотрудничество, чем за конфликт”²⁸. Для США же мир будущего – это мир американской гегемонии.

Европа расходится с американцами и в отношении других принципиальных основ международных отношений. Как справедливо отмечает американский философ, политический экономист и писатель Ф. Фукуяма, существует фундаментальная разница между США и европейскими государствами относительно источников демократической легитимности на международном уровне. Она, прежде всего, касается того, кому предстоит решать, чей суверенитет нарушать и на какой основе. США видят высший источник легитимности в легитимности их собственных институтов (что и открывает им простор для единовластных действий). Европейцы же считают, что легитимность исходит, прежде всего, от международных законов и норм, от мирового сообщества, от его коллективно выраженной воли. Отсюда разное отношение к международным организациям, в первую очередь к ООН²⁹.

Наконец, принципиальное отличие позиции ЕС от американской состоит в том, что он, как правило, не затевая с США публичной полемики, тем не менее, отрицательно относится к гегемонистской политике Вашингтона. И в Европе есть влиятельные круги, которые не без облегчения воспринимают постепенную утрату США статуса неоспоримой глобальной супердержавы.

Различия во взглядах на международные организации и международную регламентацию проявляются и в подходе к глобализации. Вашингтон, опираясь на свою в данный момент превосходящую мощь, руководствуется национальными интересами и устремлениями частных американских фирм, дающими им возможность добиваться для себя выгодных двусторонних сделок напрямую с другими странами. Американские политики поэтому склонны скептически относиться к международным правилам и нормам. Европейские же отдают предпочтение другому курсу, стараясь управлять процессами глобализации с помощью создания новых, всеобъемлящих правил для развития мировой экономики и торговли путем усиления полномочий таких международных организаций, как ЕС, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирная торговая организация (ВТО). Европейская доктрина “управляемой” глобализации нацелена на создание системы многосторонних норм, которая, в частности, способна сдерживать и американский “эгоизм”. Европейцы поэтому не разделяют американского рвения по части создания государственных институтов в других странах под опекой США. Они скептически относятся к прямолинейному американскому подходу, часто связанному с переоценкой возможностей военной силы.

Европу, у которой есть общие культурные ценности, и Америку разделяют также культурные различия, и они, кстати сказать, растут. Думается, что французский историк и экономист Э. Тодд был недалек от истины, когда заявил: “Море культурных различий между европейцами и американцами почти безбрежно”³⁰. Европейская культура, за которой долгая история, синтезированный опыт многих народов, более “общечеловечна”, неизмеримо глубже, изысканнее, гуманистичнее и разнообразнее. А в США прежде всего сильна масс-культура, которая пользуется широкой популярностью и у молодежи Европы. Бжезинский признает “достаточно очевидную узость интеллектуально-культурных интересов американского общества”³¹.

“Тайм” в статье группы корреспондентов журнала, побывавших в Европе с целью выяснить отношение там к американцам, так описывает их впечатления: “Европейцы смотрят на Америку, как на страну, полностью утратившую свои корни, и превратившуюся исключительно в коммерческое место, лишенное культурного наследия, тра-

²⁸ *Prestowitz C. Three Billions New Capitalists*, p. 246. А директор внешнеполитического отдела Центра европейских реформ М. Леонард даже утверждает, что “европейский метод ведения дел станет мировым”. – *Leonard M. Why Europe Will Run in the 21 st Century*. New York, 2006, p. 53.

²⁹ *Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy*. New York, 2006, p. 159.

³⁰ *Todd Э. После империи*, М., 2004, с. 201.

³¹ *Бжезинский З. Выбор*, с. 17.

дий, в силу чего она угрожает их будущему”³². Об этом же с тревогой писал и Г. Киссинджер: “Еще более беспокоит утрата человеческого контакта между двумя сторонами Атлантики, несмотря на беспрецедентные масштабы передвижения людей”³³.

Впрочем, критический взгляд большинства европейцев на американский стиль жизни более чем перекрывается пренебрежительно-критическим отношением как части истеблишмента США, так и рядовых американцев к своим континентальным союзникам.

Тот же “Тайм” так описывает отношение к Европе “высокопоставленных лиц” в корпорациях и среди политических деятелей США: “Европа уже не значит так много, как было ранее, и она уже не будет опорным пунктом мировых войн когда-либо в скором времени. Некоторые американцы списывают Европу полностью. Когда речь заходит о Европе, одно это слово побуждает их иронически кивать”³⁴.

Следует отметить еще два обстоятельства. Американцы за десятилетия привыкли, что европейцы следуют за ними, и несогласие вызывает возмущение, иной раз перерастающее в кампанию глумления. В то же время долгая подчиненная роль Европы, ее положение, как поля “холодной войны”, породило недооценку ее подлинного значения у немалой части американских политиков.

Конечно, не хотелось бы, чтобы из всего сказанного сложилась некая пасторальная картинка современной Европы. Она многообразна, и влиятельные ее круги отнюдь не чужды ни экономической экспансии, нацеленной на завоевание экономических и иных привилегий, ни паразитизма на отсталости и зависимости вчерашних колоний, ни попыток “мягкого вмешательства” во внутренние дела других стран во имя той же “демократизации” и т.д. Европа, например, неплохо взаимодействует с США в своей активности на постсоветском пространстве.

И все же, подводя итоги, можно сказать, что характерные ценности Европы и США – если вынести за скобки основные принципы государственного и общественного устройства – отнюдь не одинаковы, если не расходятся. Европа воплощает в себе более человеческую, более гуманистическую, более интеллектуальную и утонченную часть Запада. На практике Европа, прежде всего, позитивная сила в решении глобальных проблем. Понятно и то, что, отнюдь не все из перечисленных выше и взятых в сравнении разноликих моментов из общественной и будничной жизни европейцев и американцев могут быть отнесены к цивилизационным признакам. Некоторые из них носят, пусть и долговременный, но лишь политический характер. Тем не менее, в сумме они, думается, имеют явно цивилизационное значение, указывают на существование европейской ментальности, европейских норм жизни и стиля поведения. К тому же в результате конвергенции многих факторов формируется европейское чувство идентичности, даже если оно, по крайней мере, пока, не может быть точно определено или если оно смотрится немного разным в разных частях континента³⁵.

Во всяком случае, американский образ жизни, стиль поведения американцев определенно отвергаются подавляющим большинством европейцев, а это уже, думается, цивилизационный момент. Западногерманский философ и крупнейший представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас и французский философ и интеллектуальный лидер “Парижской школы” Ж. Деррида в выступлениях европейцев против войны в Ираке, наверное, несколько поспешая, увидели “появление европейского гражданского общества, которое создается через отрицательное отношение к Соединенным Штатам”. Бжезинский тоже не может не признать, правда, в сдержанной форме, что «распространение американских “обычаев” в большинстве стран рассматривается преимущественно как негативное явление (даже 50% жителей Великобритании относятся к этому критически)»³⁶.

³² The Time, October 6, 2006.

³³ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика, с. 21.

³⁴ The Time, October 9, 2006.

³⁵ The Economist. The World in 2008, 2009.

³⁶ Бжезинский З. Выбор, с. 288.

США и Европа по-разному смотрят на многие, порой ключевые, международные вопросы. Приоритеты их политики далеко не всегда совпадают³⁷. Вашингтон стремится поставить в центр международных отношений проблему терроризма. В Европе же не считают такой подход правильным. Если для Вашингтона это – воплощение “зла”, причем его политические истоки администрацией Буша либо игнорировались, либо отодвигались в тень, то в Европе видели и видят природу этого явления иначе, усматривая в нем, прежде всего, порождение политических, социальных и иных факторов. Еврокомиссар по внешней политике англичанин Кр. Паттен так говорил об этом: “Я твердо верю, что есть взаимосвязь между глобальным неравенством и банкротством государств, нестабильностью и терроризмом”³⁸.

Отсюда в первом случае – американский кулачный “крестовый поход” против терроризма или имперские авантюры, вроде иракской. Отсюда же в другом, европейском случае – иной подход, разделяемый подавляющим большинством стран Европы: если терроризм – не просто зло, но и порождение политики, тогда одних мер безопасности недостаточно. Нужны действия, нацеленные на искоренение политических, социальных и национальных корней этого явления. А поэтому “война с терроризмом” не может быть в центре успешного, политического курса Запада и европейской стратегии безопасности.

Серьезно разнятся подходы (да и интересы) США и Европы на Ближнем Востоке. Как и для США, для Европы – это район жизненно важных интересов с добавлением фактора географической близости. Уже одно это делает для нее “неудобным” доминирование США, тем более столь бесцеремонное. К тому же в отличие от Вашингтона, который щедро применяет методы угроз и остракизм, европейцы предпочитают контакты и переговоры с Сирией и Ираном, привлечение их и других соседних государств к усилиям по урегулированию ситуации на Ближнем Востоке.

Если США рассматривают палестинскую проблему, главным образом, под углом зрения терроризма и интересов Израиля, которому обеспечивают “меч” и дипломатический щит, то “староевропейцы”³⁹ решительно выступая против терроризма, указывают на факторы, его питающие и даже порождающие, – израильскую оккупацию и некоторые стороны политики Израиля. Хотя и в европейских странах есть израильские лобби, эти страны не склонны, как США, поддерживать любую позицию Израиля и отрицательно относятся к произраильскому курсу американской политики.

Эти разногласия между Европой и США выявились в ходе военных действий в Ливане между Хезболлой и Израилем, когда европейские государства поддержали резолюцию о прекращении огня, а США ее заблокировали. И не случайно именно европейские контингенты были призваны выступать в качестве миротворческих сил⁴⁰ после окончания военных действий. Большинство членов ЕС заняло иную позицию, чем США, и в связи с военными действиями в Газе, хотя под давлением США они воздержались от обсуждения учиненной Израилем бойни. Европейская же пресса нередко называла происходящие события своими именами. Взвешенная политика Европы в палестинском вопросе важна для нее и в плане отношения к мусульманским миром, с которым она, в отличие от США, не только соседствует, но и имеет дома, в собственных границах. Она должна стремиться к взаимопониманию и сотрудничеству с ним, если хочет иметь мир с его “островами” у себя дома. Важным и знаменательным проявлением возросшей дипломатической активности и уверенности в себе послужило то, что ЕС инициативно и самостоятельно выступил – и достаточно эффективно –

³⁷ Хотя тут же надо оговориться, что европейцы далеко не всегда склонны активно отстаивать свои позиции.

³⁸ The Washington Post, 4.III.2002.

³⁹ Имеется в виду основное ядро Европейского Союза, его основатели, в отличие от “новообращенных”, главным образом Восточной Европы и стран Балтии.

⁴⁰ Они составили их основной костяк – 7 тыс. солдат. Есть и китайский контингент.

в роли посредника в связи с событиями вокруг Южной Осетии, причем впервые в решении столь серьезного международного вопроса США как бы отсутствовали (даже, если находились за кулисами). В условиях нынешнего финансово-экономического кризиса члены ЕС стремятся выработать общий подход к созданным им проблемам и общие методы их решения.

США и Европа занимают в принципе общую позицию, направленную на недопущение распространения ядерного оружия. Но США нанесли целый ряд чувствительных ударов по режиму нераспространения, а своей политикой угроз и военных демонстраций серьезно осложнили разрешение иранской и северокорейской проблем. Европа, в отличие от США, решительно выступала и выступает против антииранской военной акции. А. Меркель, канцлер Германии, председательствовавшая в ЕС в первую половину 2007 г., находясь в Абу-Даби, заявила в начале февраля 2007 г. – на следующий день после очередных воинственных выпадов Буша против Ирана и на фоне усиления американского военного давления на него, – что ЕС никогда не поддержит такую акцию. И нет сомнений в том, что, если бы США вырыли “томагавк войны” с Ираном, между двумя берегами Атлантического океана возник бы раскол, не меньший, если не больший, чем в связи с Ираком.

На протяжении уже многих лет Европа (как и Канада) шагает не в ногу с США в своей позиции по отношению к Кубе. Как и Вашингтон, негативно оценивая существующий на острове режим, ЕС в то же время не поддерживает проводимую США политику изоляции и угроз, имеет с Гаваной экономические и политические связи. В июне 2008 г. Евросоюзом были отменены экономические санкции против острова Свободы. На Кубе побывал даже Папа Римский. Сказанное верно и в отношении Венесуэлы.

Китай – еще одна весьма серьезная международная проблема, по которой ЕС занимает иную, чем Вашингтон, позицию. И в этом случае принципиальные оценки однотипны в том, что относится к авторитарному (или как заявляют неоконсерваторы в США “диктаторскому”) характеру власти в этой стране, положению с правами человека и т.д. Но если США, имея активные экономические связи с Китаем, одновременно уже объявляют его в своих официальных документах “военной угрозой”, начинают проводить в отношении Пекина “политику сдерживания”, вербуют себе союзников в этом деле и хотели бы видеть среди них Европу, то она всюду развивает сотрудничество с Китаем, в первую очередь, конечно, экономическое, ведет в отношении КНР политику протянутой руки, стараясь интегрировать Китай в общемировые связи⁴¹. Европа даже готова (препятствует лишь американское давление) отменить эмбарго на продажу военной техники, введенное после событий 1989 г. на площади Тяньяньминь.

Одним словом Европа через 750 лет после М. Поло не только вновь открыла для себя Китай. Она реалистически рассматривает его как своего потенциального “стратегического партнера”. А многие европейцы видят в развитии отношений с “Поднебесной” и один из путей к автономии Европы, к установлению равноправного, подлинного партнерского сотрудничества с ее заокеанским союзником. Сказанное, думается, подводит к выводу: у Европы есть сложности в отношениях с теми или иными странами, но у нее нет с ними конфликтов.

⁴¹ В последнее время в Евросоюзе росло недовольство в связи с дисбалансом в торговле с Китаем – в 2007 г. дефицит ЕС превысил 170 млрд долл. при товарообороте в 440 млрд долл. Но это не помешало, например, британскому премьеру Г. Брауну, побывав в Пекине с официальным визитом в январе 2008 г., заключить ряд крупных экономических сделок, договориться об увеличении товарооборота к 2010 г. до 60 млрд долл. против 40 млрд долл. в 2007 г. Обращаясь к хозяевам, он предложил открыть в Лондоне офис китайской инвестиционной корпорации (CIC) и призвал ее руководство смелее вкладывать капитал в английскую экономику. “Я хочу, – заявил он, – чтобы Британия стала основным местом для размещения китайского капитала в Европе и мире”. Такую же операцию проделал Н. Саркози. А на встрече в Женеве в январе 2009 г. между премьер-министром Китая Вэнь Цзя Бао и лидерами Евросоюза стороны договорились о дальнейшем развитии сотрудничества.

Европа – самый большой донор международной помощи (уступая в относительном пересчете только Японии), зато Соединенные Штаты находятся по этой “статье” на 21 месте среди 22 членов Организации международного сотрудничества и развития.

Внешнеполитические инициативы ЕС далеко не всегда встречают поддержку США. Так было с Киотским протоколом об охране окружающей среды, введенным в действие, вопреки несогласию США. Так же было с соглашением об учреждении Международного уголовного суда. По разному многие члены ЕС и США строят свою политику и в отношении России. Вашингтон фактически придерживается линии на размежевание Европы с Россией, на создание своеобразного барьера, отделяющего Брюссель от Москвы, – линии, лишенной прежней антикоммунистической, но снабженной новой идеологической, уже чисто антироссийской приправой: обвинениями России в имперских притязаниях (с акцентом на энергетическую проблему и на “общие цели” на Украине и в республиках Кавказа) и нарушениях прав человека. По сути дела, это своеобразная, мягкая, так сказать, вариация “холодной войны”. Линия эта, занимавшая на заключительном этапе президентства Дж. Буша чуть ли не центральное место во внешней политике США, направлена, по существу, не только против России, но и против Европы, поскольку сотрудничество с Россией – и Вашингтон это прекрасно понимает – необходимая предпосылка самостоятельности Европы, а стало быть, ослабления там позиций США.

Г. Киссинджер, ссылаясь на то, что некоторые европейские государства “демонстративно” дистанцируются от курса Вашингтона, определяет проблему американско-европейских расхождений, как “последовательное усиление европейской оппозиции американской политике”. Он считает, что “сегодня под вопрос поставлена сама политика безопасности и даже общих целей”⁴². Но в отличие от неоконсерваторов и большинства в пробушевской команде он винит в этом и США, их триумфализм, “стремление отождествлять сотрудничество с послушностью американским требованиям”, подчинять отношения с союзниками установкам из внутреннего законодательства США и т.д.

В отсутствие “холодной войны” ничто уже не скрепляет берега Атлантики так, как прежде. Исчезновение Советского Союза, динамика Европейского Союза, рост евразийского самосознания – все это не могло не усилить позиции Европы перед лицом США. Приведем одно любопытное заявление на этот счет. Оно исходит от Р. Перла – признанного гуру правых в США, человека, имеющего вес в американской политике. Оно было сделано несколько лет назад, но и сегодня звучит злободневно. Он сказал: «Взаимоотношения между Америкой и Европой времен “холодной войны” не могут быть возрождены. Это ошибка пытаться вернуть их – в нашу юность в этом смысле. Мы уподобляемся дамам, которые проводят время в косметических салонах, сражаясь со старостью».

Внешнеполитический потенциал Европы и тенденция к ослаблению влияния американского “гиганта” получили мощный стимул от появления на европейской карте единой Германии, ее возвращения на международную арену в конце XX – начале XXI в. в качестве реального игрока, имеющего свои собственные интересы. Не могло не сказаться – и сказаться ощутимо – освобождение Германии, немцев от комплекса вины за недавнее прошлое⁴³. Заявление Г. Шредера, подчеркнувшего почти сразу после прихода на пост канцлера, что Германия стала “нормальным государством”, по сути дела было официальным признанием этого. “Явление” Германии миру тем более важно, что она играла роль ключевого военного союзника Вашингтона в Европе⁴⁴.

⁴² Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика, с. 19, 20, 44.

⁴³ “Германия стала брать на себя более сильную роль с тех пор, как объединение принесло полный суверенитет”. – The Economist, June 18, 2006. Комментируя первые шаги А. Меркель, как председателя ЕС, тот же журнал писал: “Германия вернулась как влиятельная сила в мировых делах”. – The Economist, January 19, 2007.

⁴⁴ Судя по некоторым заявлениям американских руководителей, в том числе самого Б. Обамы, теперь, вероятно, будет предпринята попытка вернуться к этому положению.

Европа и США объединены в НАТО, однако и здесь далеко не все гармонично. Разногласия касаются и американского засилия в кадровой структуре блока, и односторонних действий США (например, в связи с проблемой расширения НАТО, а также в связи с проблемой ПРО), и линии европейцев на создание автономного “европейского ядра”.

Возник и потенциально более серьезный разлад – относительно задач и перспектив альянса. Причем открытые, а также еще не вылезшие на поверхность расхождения отражают и более общий процесс, выходящий за рамки атлантического альянса – начинающийся кризис институтированной блоковой политики. США стремятся приспособить блок к функции орудия своей гегемонии, взвалить на своих союзников обязанность нести наравне с Вашингтоном ответственность за реализацию своих глобальных имперских планов. Схема глобализации НАТО позволила Вашингтону в большой мере переложить на союзников бремя военной оккупации в Афганистане (это – первый и наглядный опыт “глобализации” альянса).

Но глобализационные “намерения” США разделяют далеко не все руководители европейских стран. По их мнению, НАТО заходит или уже зашла слишком далеко за границы своей “ответственности”. Европе сегодня никто не угрожает, и альянс в глазах все большей части общественности и политических деятелей континента выступает скорее не как инструмент его защиты, а как структура, из-за которой Европа “вползает” в чуждые ей конфликты. Бывший госсекретарь США К. Райс в речи в фонде “Наследие” в июне 2008 г. говорила об этой разнице в подходах, укоряя европейцев в чрезмерной привязанности к “мирным дивидендам”, и в этой связи отвергла мысль о союзе “с двумя скоростями”, т.е. с разной степенью участия в его операциях. Но афганский опыт лишь усилил европейских “оппозиционеров” и умножил их ряды. Заговорили даже о том, что “неудачи там могут подорвать альянс”⁴⁵. «Американцам, – разъясняет это расхождение З. Бжезинский, ссылаясь на мнение “одного из ведущих германских аналитиков”, – свойственно смотреть на весь мир, как на поле деятельности Атлантического сообщества, европейцы же хотят действовать в пределах Европы и на подступах к ней». При этом США готовы предоставить европейцам “шансы выполнять постепенно возрастающую, но по-прежнему вспомогательную роль в сфере глобальной безопасности”⁴⁶.

Общую картину характеризуют данные опроса, опубликованного в июле 2006 г. американским фондом Маршалла: на тот момент большинство европейцев выступало за независимую от США политику, за европейский подход к вопросам безопасности и дипломатии⁴⁷.

За всем этим просматриваются подспудная, а нередко всплывающая на поверхность тенденция Европы к более самостоятельному поведению – Старый и Новый свет часто дрейфуют в разные стороны. Мнение многих европейских политиков выразил бывший министр иностранных дел, а затем и премьер-министр Франции Д. де Вильпен, заявивший, что речь идет о двух разных взглядах на мир, “между которыми надо сделать выбор: однополярный мир, в котором Вашингтон действует как ничем не ограниченный гегемон, и многополярный, в котором американская мощь сдерживается и уравновешивается другими силами, особенно объединенной Европы”⁴⁸.

Диссидентские настроения Европы вышли на поверхность из-за “доктрины” и политики Буша, его иракской авантюры, которые послужили этому и причиной, и поводом⁴⁹. И сама она, и обстоятельства, ее сопровождавшие, не могли не вызвать рез-

⁴⁵ The Economist, November 25, 2006.

⁴⁶ Бжезинский З. Выбор, с. 141–142, 144.

⁴⁷ The International Herald Tribune, 7.VII.2006. Этот опрос – часть нового исследования “Трансатлантические тенденции 2006” – но он ежегодно проводится в ЕС и США и считается наиболее точным барометром общественных настроений по обе стороны Атлантики.

⁴⁸ Цит. по: Albright M. United States & Europe. – The Foreign Affairs, September – December 2003.

⁴⁹ Р. Асмус, помощник заместителя госсекретаря в 1997–2000 гг., а ныне исполнительный директор Трансатлантического центра, заявил, возможно, несколько преувеличивая: “Резервуар трансатлантической доброй воли, накопленный в 90-е годы, испарился в песках Ирака”. – The Foreign Affairs, January – February, 2008.

кой реакции. Без европейских союзников, исключая Англию, было принято решение о вторжении. Еще раньше американцы, фактически унизив европейцев, отмахнулись от принятого НАТО решения ввести в действие, в связи с террористической атакой 11 сентября, статью 5 Устава организации об оказании всеми членами союза помощи государству, подвергнутому нападению⁵⁰.

Франция и Германия накопили уже достаточно уверенности в своих силах, и не боялись перечить США. К. Фогт, координатор германо-американского сотрудничества в правительстве Меркель, характеризуя особенности этого сотрудничества и отмечая, что “холодная война” закончилась, а Германия все меньше и меньше зависит от Америки, подчеркивал: «В отличие от Герхарда Шредера канцлер В. Брандт не мог сказать “нет” войне во Вьетнаме»⁵¹. Д. Гетман, директор института Аспена в Берлине, коротко резюмировал происшедший сдвиг: “Немцы возвращаются с каникул, которые длились 60 лет”⁵². Настроения в Германии характеризует и такой, на первый взгляд, невероятный факт – согласно проведенному еженедельником “Цайт” опросу, один из каждых пяти немцев считает возможным, что Буш сам приказал провести акцию 11 сентября для завоевания мира. Некоторые западные эксперты даже высказывают мнение, что Германия становится “неудобным” членом НАТО на манер Франции или сменяя ее⁵³.

Наконец новую ситуацию – и не только применительно к Германии – обрисовал К. Фогт, посол ФРГ по специальным поручениям: «То, что мы переживаем сейчас – это родовые муки “нового” атлантизма. В эту новую эпоху союзников надо убеждать, и они не могут говорить всегда “да”»⁵⁴.

Несогласие, более того, оппозиция многих европейских государств Соединенным Штатам в столь важном вопросе – ведь Ирак был объявлен центральным фронтом войны против международного терроризма – разумеется, не было рядовым делом. Как бы ни развивались события в дальнейшем, то был исторический рубеж – демонстрация открытого неповиновения. Газета “Монд дипломатик”, пожалуй, не слишком преувеличила, написав: “Франко-немецкая инициатива (имеется в виду позиция по Ираку. – К.Б.) представляла собой исторический демарш, который, наконец, выводит Европу из более чем 60 лет страха и позволяет вновь обрести политическую волю”⁵⁵. А бывший министр финансов Франции С. Канн (ныне министр в правительстве Саркози) даже расценил антиамериканские демонстрации в Европе как “рождение европейской нации”.

Вспышки антиамериканизма Европа знала и раньше, например, в связи с размещением ракет средней дальности или войной во Вьетнаме. На этот раз речь идет о куда более существенном. Вот несколько высказываний разных авторов: француз, немца, американцев, которые убедительно это подтверждают. Французский политолог и замдиректора Института международных отношений Д. Мойси (кстати, деятель, лояльно настроенный в отношении США) писал: “В отличие от антиамериканизма прошлого, нынешний вид его – не столько реакция на то, что Америка делает, сколько на то, что она собой представляет”⁵⁶. Известный немецкий публицист П. Шолль-Артур отмечал: «Еще недавно магнат из Германии, бывший председатель правления компании “Bertelsmann” Т. Миддельхер, мог позволить себе заявить – я американец с немецким паспортом. Сегодня подобное утверждение было бы встречено с недоброй улыбкой»⁵⁷. А по признанию группы корреспондентов журнала “Тайм”, Р. фон Римша, германский автор нескольких книг по трансатлантическим отношениям, доказывает, что в его стране многие жители разных поколений уже не говорят “мы не нуждаемся в Соединенных Штатах”; они говорят: “мы не хотим более Соединенных Штатов”.

⁵⁰ Об этом же писала М. Олбрайт: “Где-то между Багдадом и Кабулом США и Европа потеряли друг друга”. – The Foreign Affairs, September – October 2003.

⁵¹ The Economist, July 8, 2006.

⁵² Foreign Policy, November – December 2006.

⁵³ The Economist, January 24, 2004.

⁵⁴ The International Herald Tribune, 27.VI.2005.

⁵⁵ Le Monde Diplomatique, February – March 2004.

⁵⁶ The Foreign Affairs, July – August 2001, p. 152.

⁵⁷ Ibid.

Надо сказать, что США предвидели возможность диссидентства объединенной Европы, усматривали в ней угрозу комфортным и выгодным для себя асимметричным отношениям – “асимметричному партнерству”, к которому привыкли. И они подходили к проблеме объединения Европы под углом зрения сохранения ее в качестве младшего партнера. Вот почему, на словах выступая за объединение, США стремились к тому, чтобы оно имело ограниченный характер, не выходило далеко за торгово-экономические рамки⁵⁸. Но еще в 2003 г. Х. Солана предостерегал США “против попыток раскалывания ЕС, поскольку это даст противоположный эффект”⁵⁹.

США считали и считают для себя неприемлемой европейскую автономию. Ведь политическая и тем более военно-политическая интеграция ЕС представляет собой самое реальное и серьезное посягательство на влияние США в Европе, на военный контроль над нею. Она способна стать барьером и для глобально-гегемонистических планов Вашингтона. “США хотят послушной Европы”, – подчеркивает в этой связи В. Пфафф⁶⁰.

США постоянно и решительно противятся любым независимым проектам европейцев, связанным с проблемами безопасности континента и обороны. Они упорно настаивают на неотделимости формирующихся структур безопасности ЕС от Атлантического альянса. Когда, скажем, европейцы задумывались о запуске собственных разведывательных спутников, о создании своих усовершенствованных командных систем, автономных воздушных сил или сухопутных контингентов, они сразу же наталкивались на яростное сопротивление Вашингтона.

Как орудие против паневропейских поползновений США использовали и используют Великобританию, которую Бжезинский называет “в сущности, придатком США”⁶¹. Не случайно в свое время де Голль выступал против вступления ее в Европейское сообщество. Англия находится в сложном положении. С одной стороны – это европейская страна с европейскими интересами, хотя она и не свободна от антиконтинентальных рефлексов. С другой – у нее традиционно особые отношения с США, которые играют определяющую роль в британской внешней политике. Иногда ее даже называют “заместителем шерифа”. Как выразился И. Ривкин в книге “Европейская мечта 2004 г.”, Англия никак не может решить, является ли она “европейской страной, связанной особыми отношениями с Соединенными Штатами, или государством англосферы с особыми отношениями с Европой”⁶². Но, пожалуй, никогда еще Англия не шла столь послушно за американским поводырем как в годы премьерства Блэра.

Особые отношения Лондона с Вашингтоном (Бжезинский называет их “отмирающими”) скреплены военным и военно-техническим сотрудничеством. Великобритания – фактически единственная страна, с которой США, хотя и скупно, но делятся своими секретами и военно-техническими разработками. Английские субмарины уже много лет оснащены американскими ракетами “Трайдент”, а последний пример широкомасштабного сотрудничества – совместная программа создания ударного истребителя типа “Стелс” – “самая большая военная программа в истории”⁶³, и Англия в ней стала ведущим партнером США.

Руководствуясь главным образом экономическими интересами, Лондон вступил в ЕС с тем, чтобы, находясь в нем, ограничивать деятельность союза исключительно торгово-экономическими амбициями. “Экономист” пишет “о давней британской стратегии

⁵⁸ “В ходе этого процесса объединения Европы, – признает Г. Киссинджер, – США играли важную роль – в начале в качестве его страстного сторонника, а позже – противника”. – *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика*, с. 36.

⁵⁹ *The Economist*, April 26, 2003.

⁶⁰ *The International Herald Tribune*, 14.VI.2005.

⁶¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска, с. 81.

⁶² *The National Interest*, Winter 2004–2005.

⁶³ *The Economist*, December 14, 2006.

расширения союза за счет его дальнейшей интеграции”⁶⁴. Членство Великобритании в ЕС нередко называют “несчастливым браком”.

И Англия настойчиво, особенно при Блэре, вела линию против политической и оборонительной консолидации Европы, усматривая в этом потенциально опасную возможность автономии от Соединенных Штатов. Она, например, выступила против создания предложенной Францией “Программы совместных оборонных разработок стран ЕС”, руководимой Европейским Агентством Обороны.

Собственно говоря, Лондон добивался и добивается того же, что и Вашингтон – Великобритании и США выгодна политически рыхлая и аморфная Европа. Поэтому они так активно поддерживали, даже подталкивали процесс расширения Евросоюза. Чем больше новых членов вступит в Европейский Союз, чем больше расширение ЕС будет обгонять европейскую консолидацию, тем больше это послужит американским интересам. Исходя из своих геостратегических целей, США настойчиво пробивают место в Европейском Союзе для своего близкого военно-политического союзника на Ближнем Востоке – Турции, отводя ей роль моста к мусульманскому миру. Они подталкивают своих партнеров к приему в НАТО Украины, Грузии, а некоторые американские комментаторы поговаривают о том, чтобы втянуть в альянс и Израиль.

Опыт последних лет уже подтвердил: расширение Евросоюза создало новые трудности и породило более острые разногласия при принятии назревших решений. С ним в немалой степени связано и торможение интеграционных процессов, и появление в ЕС новых “тройных коней” США – группы стран Центральной и Восточной Европы, которые все еще отягощены рефлексам “холодной войны”. С помощью этой группы Вашингтон хотел бы нарастить свои возможности влиять и на систему внутренних отношений в ЕС, и на конкретные позиции Союза по тем или иным вопросам, и на его динамику.

И вот “окончательный диагноз” экс-канцлера ФРГ Г. Шмидта, заявившего: “В обозримом будущем США придется решить, соответствует ли их долгосрочным стратегическим интересам Европа, политически зависимая от Америки. Если решение будет положительным, и Вашингтон приступит к его реализации, серьезный раскол Старого Света станет вполне вероятным. При этом США придется прилагать значительно больше усилий на европейском направлении, поскольку не стоит рассчитывать на то, что многие из государств Европы (исключение составят Англия и, возможно, Польша) безропотно покорятся очередному доминированию извне”⁶⁵.

В качестве своего рода страховки в связи с проявившимися и возможными в будущем расхождениями со “староевропейцами” США стремятся в определенной мере “структурировать” НАТО вокруг государств – новых членов альянса. В уже упоминавшейся речи в фонде “Наследие” К. Райс заявила, что “они фундаментально изменили природу альянса” и “вдохнули новую жизнь в исходные цели НАТО – объединить усилия демократических государств по защите не только наших территорий, но и наших ценностей”. Правда же состоит в том, что члены НАТО из Центральной и Восточной Европы представляют собой почти гарантированный ресурс поддержки политики Вашингтона в альянсе и в целом в Европе.

Многим памятна пресс-конференция Д. Рамсфелда, на которой он разделил Европу на “старую” и “новую”. Отвечая на замечание репортера о том, что на континенте не одобряют подход США к Ираку, он заявил: “Мы думаем о Европе как о Германии и Франции. Я думаю – это старая Европа. Германия остается проблемой, и Франция остается проблемой. Но вы посмотрите на большое число других стран в Европе – они не с Францией и Германией, они с Соединенными Штатами. Если вы посмотрите на Европу в целом сегодня, вы увидите, что центр тяжести перемещается на Восток”⁶⁶. В Европе эти ремарки были расценены как еще один пример американской вызывающей

⁶⁴ The Economist, December 17, 2005.

⁶⁵ Шмидт Г. Державы будущего. – Россия в глобальной политике. Ноябрь–декабрь 2004.

⁶⁶ The Moscow Tribune, 31.I.2003.

самонадеянности. Тонкую отповедь Рамсфелду дал экс-президент Франции В. Жискард д'Эстен: "Он ошибся только в одном слове. Франция и Германия не постаревшие страны, а действительно старые страны с богатой историей, культурой и ценностями за своими плечами. И они достаточно старые страны, чтобы Франция смогла 200 лет назад военным путем помочь Соединенным Штатам получить независимость"⁶⁷.

Но факт остается фактом: по большинству внешнеполитических вопросов, которые порождают споры между европейским сообществом и США, "молодая Европа" занимает проамериканскую позицию. Именно она, – и в первых рядах Польша, которую за это окрестили "троянским ослом" в Европе, – горячо поддержала иракскую авантюру США. Именно в "молодой Европе" намечается установить структуры американской системы ПРО. Это сепаратное решение США и Польши с Чехией вызвало неудовольствие, хотя большей частью и сдержанное, в ряде европейских стран. А. Меркель предложила обсудить данный вопрос в НАТО между США и союзниками, с одной стороны, и Россией – с другой, а ее министр иностранных дел В. Штайнмайер заявил в интервью газете "Handelsblatt", что США следует провести переговоры с Москвой, прежде чем размещать свои базы в Восточной Европе, "поскольку эти объекты расположены очень близко от России". Его поддержал коллега, министр обороны Ф.И. Юнг, сказавший, что "размещение баз в Восточной Европе может подорвать стабильность в Европе и привести к ее расколу". Против размещения ракет выступили президенты Австрии и Чехии⁶⁸.

Но этим дело не ограничивается. Американская акция создает угрозу безопасности континента, превращая его в эвентуальную мишень, и ставит Европу в дополнительную опасную зависимость от принимаемых Вашингтоном политических решений. На территории континента хотят создать военную структуру, не зависящую от воли европейцев, и возникает, по меньшей мере, теоретическая возможность ведения военных действий с территории Европы без согласия европейских держав. Ведь ракетные базы будут находиться вне юрисдикции НАТО, под непосредственным американским командованием.

Если сегодня, как констатирует "Монд", "среди членов европейского сообщества существуют расхождения по вопросам дальнейшей интеграции, отношений с Америкой, расширения ЕС, то львиная доля их связана с позицией новобранцев в НАТО"⁶⁹, что всячески используется американцами и создает для них дополнительные возможности препятствовать формированию единой европейской политики, извлекать и другие преимущества. И старым членам ЕС, его ядру приходится идти порой на уступки "новобранцам", даже нехотя проявлять с ними солидарность в качестве своеобразной платы, например, за достижение консенсуса по вопросам дальнейшего развития ЕС, его будущего (как это было недавно в связи с вопросом о европейской конституции, а позже с Лиссабонским договором).

Характерно, с каким нескрываемым удовлетворением, если не с торжеством, американские печать и аналитики отреагировали на отклонение проекта европейской конституции во Франции и Нидерландах, и на проамериканские выступления "новобранцев" НАТО. Писалось о "конце французской Европы"⁷⁰, о том, что "Европейский Союз мертв"⁷¹, что "представления о ЕС с достаточным единством и престижем, дающими возможность осуществлять определенный вид глобальной soft power (мягкой силы) похоронен"⁷². Иначе говоря, писалось о конце Европы, стремящейся к самостоятельности, о конце "европейской Европы", свободной от американского доминирования.

Стремясь удержать Европу в роли младшего партнера, США явно намеревались использовать и антитеррористическую коалицию, которую Вашингтон хотел бы пре-

⁶⁷ Le Monde, 22.XI.2006.

⁶⁸ Все это, впрочем, не помешало европейским союзникам США в конечном счете согласиться – пусть даже неохотно – с американскими планами.

⁶⁹ Le Monde, 16.II.2007.

⁷⁰ The Foreign Affairs, July – August, 2006.

⁷¹ The National Interest, Fall 2005.

⁷² The International Herald Tribune, 25.V.2006.

вратить в постоянно действующую структуру. На это направлена, в сущности, и выдвигаемая американскими деятелями идея “энергетического НАТО”. Вашингтон опасается сокращения своего влияния на континенте уже вследствие экономического, а тем более политического, взаимодействия Москвы и Брюсселя. Американские политики понимают, что “стратегическая Европа, – как выразился Анри де Гроссувр, президент Ассоциации Париж – Берлин – Москва, – не может быть разумно и прочно построена без ассоциации с Россией”⁷³.

Раскручивается целая серия выступлений политиков США, которые проявляют трогательную заботу об европейских интересах, “бьют в колокола” относительно опасности “зависимости” Европы от России и необходимости диверсификации источников энергоснабжения. Официальные представители Вашингтона ездят по странам Центральной Азии и Кавказа в стремлении проложить новые пути для нефти и газа в обход России. Заместитель помощника госсекретаря США М. Брайза прямо высказался даже против совместного российско-германского проекта североευропейского газопровода, поскольку, мол, эта ветка по дну Балтийского моря, лишь увеличит “зависимость” Европы от поставок из России, на “надежность” которых “трудно рассчитывать”, и т.д. Он рекомендовал Европе сотрудничать с Каспийским регионом (с Азербайджаном)⁷⁴.

Цели, большей частью затаенные, проектов энергетической НАТО – это ослабить или даже подорвать роль России как энергетической державы, ограничить ее возможности свободно и самостоятельно распоряжаться своими природными богатствами, вести дело к превращению нашей страны в сырьевой придаток Запада, осложнить российско-европейские отношения и, наконец, расширить участие Вашингтона в европейских делах.

Но планы энергетической НАТО встречают смешанную и неодинаковую реакцию у европейцев. Даже при том, что ЕС стал после российско-украинского газового конфликта активно искать пути энергоносителей в обход России. И это часть более общей проблемы, разделяющей “старую” и “новую” Европу, – подход к России. Если первые не хотят конфликтов с Москвой и нацелены на поиски сотрудничества, то вторые, ссылаясь на “российскую угрозу”, часто провоцируют Россию и выступают “служками” США в их планах двинуть инфраструктуру НАТО как можно дальше на Восток и Юг.

* * *

Бесспорно, у США и Европы есть фундаментальные общие политические и идеологические интересы (не говоря уже об экономической взаимозависимости и тесно переплетающихся связях, об устремлениях значительной части “меритократии” с обеих сторон), хотя в каждом вопросе США преследуют и собственные, особые цели.

Европейский Союз, как и США, заинтересован в сохранении НАТО, но Вашингтон при этом стремится, чтобы альянс функционировал как инструмент решающего влияния США на европейскую внешнюю и оборонную политику и их стратегии глобальной экспансии. Саммит НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. – “желчный”, по определению “Экономист”, отразил расхождение в позициях именно по этой главной проблеме. В румынской столице европейцы, прежде всего Германия, отказались согласиться с жестким требованием США о допуске Грузии и Украины к ДПЧ (Действиям по подготовке к членству в альянсе). Они под интенсивным нажимом Вашингтона пошли на необязывающую фразу о присоединении этих стран к блоку в будущем.

Европейский Союз, как и США, заинтересован в наиболее полном извлечении максимальных плодов из так называемой победы в “холодной войне” и распада Советского Союза, прежде всего в плане расширения “Европы” за счет части постсоветского пространства, ограничения российского влияния и продвижения “опеки” Запада на всем этом пространстве. Но США при этом добиваются прихода к власти там заведомо проамериканских режимов и расширения таким образом “новой” Европы.

⁷³ Le Figaro, 21.III.2005.

⁷⁴ The Financial Times, 30.IX.2006.

Европейский Союз, как и США, заинтересован в обеспечении свободы доступа к энергоресурсам и предотвращении чрезмерной зависимости от одного их источника, например, от России. Но США стремятся использовать эту проблему для “стравливания” ЕС и России, отчуждения европейских стран от нее и укрепления своего влияния на Европу.

Этот перечень, разумеется, не полон, но он выявляет наличие общих фундаментальных интересов и то, что в рамках каждой проблемы есть определенное поле и для межсоюзнических расхождений. Расхождения эти не следует, естественно, преувеличивать, но и не видеть их было бы ошибкой. Дело в том, что в них все настойчивее и определеннее выражается естественное, исторически, политически, экономически и культурно обусловленное стремление Европы (правда, пока еще не сформировавшееся, не набравшее достаточной силы) освободиться от американской узды, действовать на международной арене автономно и самостоятельно. И только, но не меньше.

Так что предпосылок для того, чтобы эти противоречия “заговорили” громче, вполне достаточно. В последние годы, после иракской интервенции и в связи с нею это как раз и произошло. Сегодня обе стороны менее близки в проводимой внешней политике, более конкурентны в экономической, социальной и культурной областях. И впервые (до событий в Южной Осетии) стали поговаривать о возможности “развода” США и Европы.

Разумеется, приход в Белый Дом Б. Обамы, породивший большие надежды и в Европе, может смягчить расхождения, если, конечно, дело не ограничится лишь натягиванием на американскую длань бархатной перчатки при сохранении магистрального курса США.

Европа, конечно, не станет соревноваться с США в военной области, хотя это в целом в ее силах: она отдает предпочтение экономической конкуренции. Тот факт, что невоенное развитие получает гораздо больший приоритет в Западной Германии и Японии, по всей видимости, очень сильно может сказаться в ближайшие 20–30 лет на ситуации в Европе и мире вообще. Так, в частности, считает И. Валерстайн, и он, пожалуй, прав⁷⁵. А настойчивые попытки США помешать политической интеграции могут в конечном счете укрепить позиции ее сторонников. Это был бы очередной случай иронического бумеранга истории.

Какими же представляются наиболее вероятные варианты развития этих тенденций и исход их столкновения? Иракский поход и раскол в НАТО, все более напряженное положение в Афганистане вызвали “острую необходимость Буша в союзниках”, вынудили к отходу, прежде всего внешне, от продекларированного униялтерализма, подвигли американского президента к демонстрации лояльного отношения к союзникам, а то и заигрыванию с ними – к “обольщающему наступлению”, по выражению “Экономист”⁷⁶. Развитие международных событий показало, что недооценка роли Европы, а то и пренебрежительное отношение к ней бьют по американским интересам. Правда, Буш и его команда, решительно выступая за более согласованную, коллективную политику, имели в виду, прежде всего подтягивание европейцев к своим позициям. Отчасти им это удавалось, тем более что стали сходить со сцены некоторые наиболее стойкие оппоненты американского доминирования. Проиграл выборы и потерял пост канцлера Г. Шредер, истек срок мандата Ж. Ширака, а сменивший его на посту президента Н. Саркози, как и новый канцлер ФРГ А. Меркель, известны своим желанием упрочить атлантическое сотрудничество.

Как и следовало ожидать, США предприняли активные усилия, чтобы использовать события вокруг Южной Осетии и агрессии Грузии для подтягивания к себе Европы, укрепления ее солидарности с Вашингтоном. А многолетний опыт доказал, что самым надежным “клеящим веществом” для атлантического альянса является внешняя угроза. Имея это в виду, Вашингтон и близкие к нему европейцы выдвинули и всячески раздувают миф о “вернувшейся русской угрозе”.

⁷⁵ *Wallerstein I.* The Decline of American Power. New York, 2003, p. 278.

⁷⁶ *The Economist*, July 8, 2006.

Вместе с тем эти события вновь выявили противоречивые тенденции в политике Европы, – речь тут не идет о восточной ее части, которая, хоть и не прочь “сосать двух маток”, т.е. ЕС (прежде всего Германию) и США, но занимает безоговорочно проамериканскую позицию. С одной стороны, Европа, расценив происшедшие события как принципиальный для себя вопрос, заняла, вместе с США, пристрастно-одностороннюю позицию. С другой – она, в то же время более или менее решительно, выступила со своими собственными инициативами поиска путей решения кризиса, продемонстрировав желание не допустить дальнейшего обострения и перерастания в деградацию отношений с Россией. И хотя как в ходе реализации этих инициатив, так и в целом Европа опять же проявляла иной раз податливость американскому давлению, она не отступила от проявленной “автономной” инициативы и собственной линии. ЕС сыграл в этом вопросе в те дни более видную дипломатическую роль, чем когда-либо в своей истории. Такую позицию он занял и в ходе “газового” конфликта между Россией и Украиной.

С собственным мнением Европа выступила и по поводу финансового кризиса. Во многом различный подход к его проблемам и при этом активное стремление государств Европы выработать общий подход – объективно противопоставленный американскому – к созданным кризисом проблемам и общие методы их решения служат еще одним важным свидетельством существования центробежных тенденций в отношениях США и Европы. На лондонской встрече G-20 в апреле этого года Германия, Франция, другие европейские государства отказались следовать настойчивым рекомендациям американского президента и присоединиться в борьбе против кризиса к плану, принятому США. И позиция европейцев нашла адекватное отражение в компромиссном заявлении участников встречи. Не без некоторого смысла и такая “лондонская” деталь. На энергичный призыв Б. Обамы открыть Турции путь в Европейский Союз, президент Франции Н. Саркози – кстати, некогда заработавший кличку “Сарко-американец” за свои проамериканские наклонности – отозвался не слишком дипломатичной репликой о том, что это дело ЕС и никого другого.

События на Кавказе показали, как ни важны сдвиги в руководстве Германии и Франции – и было бы ошибкой их недооценивать – они не меняют и не могут изменить ни основных тенденций, ни долгосрочных перспектив, ибо не изменились базовые интересы сторон⁷⁷. Глубокие последствия иракского разлома очень трудно или даже невозможно ни игнорировать, ни нейтрализовать. Мало того, что этот разлом, необычайно усилив антиамериканизм и “отчуждение от США и от американской силы, очевидное в Европе, не может попросту исчезнуть, а, скорее, превратится во взаимную настороженность и взаимное согласие с тем, что есть области, где обе стороны будут стремиться делать свой бизнес”⁷⁸.

Куда важнее, что раскол, вызванный иракской авантюрой, явился первым примером того, что группа европейских стран по чрезвычайно важному вопросу мировой политики заняла вполне самостоятельную позицию, равносильную политическому и эмоциональному противостоянию США – событие, которое можно сравнить с подлинным “землетрясением” в НАТО. И этот пример, надо думать, может оказаться не последним. Фактически это подтвердил Х. Солана: “США могут быть важной державой, даже супердержавой. Но число и свойство проблем, которые сегодня стоят перед нами, не допускают их решения одной единственной державой. Поэтому нам нужен мультилатерализм – многополярный мир”⁷⁹.

Еще недавно премьер-министр Люксембурга Ж. Сантер, сетуя, назвал Европу “политическим карликом”. Сегодня, думаю, он этого уже не повторит: Европа вышла из карликового статуса и постепенно приобретает собственное международно-политиче-

⁷⁷ Кстати, воздействие грузино-осетинского досье выявило в ряде влиятельных европейских стран глухое недовольство Соединенными Штатами, чья безоглядная поддержка политики режима Саакашвили сыграла свою роль в возникновении кризиса.

⁷⁸ The Time, October 6, 2006.

⁷⁹ Независимая газета, 18.IX.2006.

ское лицо. Тем не менее, она далеко не реализовала свои внешнеполитические потенции, не заняла на международной арене приличествующее ей положение, не приняла на себя ответственность, которая соответствует ее возможностям. Влияние Европы пока еще отнюдь не адекватно ее материальному, культурному и политическому потенциалу. Это связано не только с давлением США, с зависимостью Европы от них, но, прежде всего, с ее политической, а, частично, и экономической раздробленностью, наконец, с господствовавшей почти полвека в Западной Европе психологией младшего партнера Вашингтона. На это обращал внимание Э. Бар на встрече во Внешнеполитической Ассоциации России: “С 1945 по 1991 г. прошло 46 лет, а это означает, что два поколения ученых, историков и представителей СМИ привыкли жить и принимать решения в условиях отсутствия собственного суверенитета при подходе к решающим национальным проблемам”.

Сейчас Европа переживает нелегкие времена в своей истории: естественное стремление европейских народов сохранить свою национальную идентичность сталкивается с назревающей необходимостью сформировать – в тех или иных пределах – идентичность европейскую. Согласовать, гармонизировать это “столкновение” – трудный процесс, который не только требует времени и целенаправленных усилий, но и чреват всякого рода зигзагами, конфликтами, попятным движением.

Какой бы ни была развязка, какая бы идея не победила – транснациональной или наднациональной Европы, сколько времени это не потребовало бы, неизбежно возникнет общеевропейское “уравнение”, возвышающееся над национальными идентичностями, но не разрушающее их. В любом случае эта общеевропейская идентичность будет отделена от американской и объективно будет противостоять ей.

Убежден, что европейский процесс невозможно повернуть вспять. Это подтверждают и результаты европейского саммита в Лиссабоне в октябре 2007 г.⁸⁰, где был завершен длительный цикл дебатов вокруг институциональных вопросов, одобрен доработанный конституционный документ и тем самым фактически открыт путь к единой, более сильной Европе. В новый договор включены многие положения отвергнутой Конституции, прежде всего касающиеся реформирования институтов Европейского Союза. Учреждены посты президента ЕС и Высокого представителя Союза по иностранным делам и безопасности, сделан шаг к более согласованной внешней политике сообщества. В то же время в документе подчеркивается, что союзное гражданство дополняет национальное, но не подменяет его.

Небезынтересно, как характеризует перспективы Европы Национальный разведывательный совет США в “Проекте 2020”: «По большинству критериев – размеры рынка, единая валюта, высококвалифицированная рабочая сила, стабильные демократические правительства, объединенный торговый блок и ВВП – расширенная Европа будет способна увеличить свой вес на международной арене. Ее положение на перекрестке, растущее разнообразие ее населения – особенно при привлечении новых членов – придаст ей уникальную способность выковывать сильные связи как на юге с мусульманским миром и Африкой, так и на Востоке с Россией и Евразией... В то время как ее вооруженные силы имеют небольшую способность проецирования мощи, сила Европы может быть в предоставлении, через свою приверженность к мультилатерализму, модели глобального и регионального управления поднимающимся государствам, особенно если они ищут “западную” альтернативу опоре на Соединенные Штаты. Например, альянс Европейский Союз – Китай, хотя все еще маловероятный, более не является невообразимым»⁸¹.

Что касается восточноевропейской “занозы” в Европейском Союзе и американских интриг вокруг нее, то вряд ли этому феномену при всей его вредоносности и солидной заокеанской поддержке суждена слишком долгая жизнь. Против этого экономического вес “староевропейцев”, особенно Германии – важного мотора евроинтеграции, неизбежное

⁸⁰ Отрицательные результаты ирландского референдума не меняют этой общей тенденции.

⁸¹ Mapping the Global Future..., Rising Powers, p. 10–11.

укрепление веса и пространства единой европейской политики, наконец, постепенное угасание реликтов “холодной войны” и уход со сцены политиков, на этом спекулирующих и специализирующихся⁸². Против этого также и объективная заинтересованность стран Восточной и Центральной Европы в налаживании отношений с Россией.

Европейский Союз как самая экономически сильная и политически привлекательная группировка стран, связанных между собой многосторонними, тесными и институализированными отношениями, стран, все яснее осознающих свои интересы, расширяющих и углубляющих сотрудничество практически со всеми регионами, самой логикой вещей или, как выражается американский публицист Т. Рейд, “неумолимой исторической логикой” не может не “подталкиваться на путь самостоятельных и все более координированных совместных действий”⁸³.

Р. Проди, будучи председателем Европейской комиссии, как-то сказал без обиняков: “Одна из главных целей ЕС состоит в том, чтобы создать на европейском континенте супердержаву, которая была бы равной Соединенным Штатам”⁸⁴. И мало кто сомневается в том, что политически объединенная Европа станет мировой державой.

Характерно, что Меркель – по определению “Экономист”, “убежденная атлантист” – не отступила ни на шаг от декларированной Шредером позиции о том, что германская внешняя политика формируется в Берлине, а не где-нибудь еще и что Берлин будет защищать, прежде всего, свои интересы.

С активными усилиями Меркель связано и то, что развитие ЕС стало выходить из замороженного состояния, в котором находилось после отклонения проекта европейской конституции. Не осталось незамеченным и уже упоминавшееся ее заявление, в котором она решительно отмежеввалась от Вашингтонских угроз против Тегерана.

Если и не будет прежней близости с другой страной, основательницей Европейского Союза, Францией (а это очевидно), германский канцлер, тем не менее, вряд ли позволит себе существенно отдалиться от Парижа. Взаимопонимание, взаимодействие между Францией и Германией – необходимое условие движения вперед Европейского Союза. Их сотрудничество уже много лет носит углубленный и всесторонний характер. С 2002 г. действует Совет сотрудничества по вопросам безопасности – площадка для стратегического диалога между ними по вопросам двустороннего взаимодействия и международной безопасности. В его рамках проводятся двусторонние встречи министров обороны и иностранных дел Франции и Германии.

Без скоординированных действий Меркель и Саркози в ходе лиссабонского саммита вряд ли стало бы возможным одобрение конституционного документа. На лондонском же саммите Меркель и Саркози настаивали на том, что кризис создан не ими, а Саркози заявил, что система нерегулируемого рынка обанкротилась. Кстати Меркель не отказалась и от трехсторонних встреч (Россия – Германия – Франция). Правда последняя из них состоялась в сентябре 2006 г.

Немало неясностей для европейской политики таит в себе президентство Саркози. Его проамериканский уклон широко известен⁸⁵. И он действительно дал для этого много поводов. В книге С. Педдер, шефа-редактора парижского бюро “Экономист”

⁸² В этой связи любопытен комментарий “Ньюсуик” относительно польской позиции в период правительства Я. Качиньского. В статье под заголовком “Правительство Польши превратило свою страну в посмешище” мы читаем: “Польша обрела непропорциональный вес в делах Европейского Союза... Лидеры страны настраивают против себя партнеров по ЕС высокомерным презрением к дипломатическим тонкостям, воскрешением давних обид и блокированием выверенных компромиссов, необходимых для функционирования ЕС. Как горестно замечает М. Зборовский из парижского Института исследований в области безопасности, даже у ЕС есть свой Техас, и это Польша. Сегодня появляются признаки, что терпимость поляков в отношении их своевольных лидеров, наконец, начинает иссякать”. – Newsweek, International issue, July 30, 2007.

⁸³ Reid T. The New Superpower and the American Supremacy. New York, 2004, p. 38.

⁸⁴ The Economist, April 26, 2006.

⁸⁵ “Человек, который хвастает своим восхищением американским динамизмом и поп-культурой”, – так его охарактеризовал журнал “Экономист”: The Economist, April 28, 2007.

“Свидетельство: Франция в XXI веке” собран целый букет его высказываний – от обвинений Франции в “высокомерии” в связи с иракским вопросом и утверждения, что французская “противоречивость” в отношении Вашингтона “отражает определенную зависть к блестящим успехам США” до изречений о чрезмерной “воинственности в защите французского языка” и необходимости для французов более часто говорить на английском языке⁸⁶.

Выступая в ноябре 2007 г. в американском конгрессе, уже после своего избрания, Саркози к восторгу хозяев заявил: “Я приехал в Вашингтон с очень простым посланием: я хочу вновь завоевать сердце Америки. Франция и США являются друзьями и союзниками всегда и навечно”. Саркози, несомненно, будет добиваться укрепления отношений с США. Почти также он объяснялся в любви к Англии, посетив ее в марте 2008 г. и призвав к “новому франко-британскому братству”. Саркози заявил, что хотя “франко-германский мотор” остается весьма важным, он более недостаточен, чтобы двигать Европу вперед и, как сообщала печать, вел беседы о том, что теперь необходим и “франко-британский мотор”⁸⁷.

Одним из первых внешнеполитических шагов Саркози стало направление министра иностранных дел Б. Кушнера в оккупированный Багдад, что было прежде невероятно. Приход в Елисейский дворец нового президента ознаменовался также определенным ужесточением – с приближением к американской позиции – подхода к Ирану и Сирии (лишь первоначально), тенденцией к усилению поддержки Израиля.

На Бухарестском саммите Саркози – фактически единственный из союзников США – согласился с их требованием увеличить свой военный контингент в Афганистане. Он также подтвердил намерение вернуть Францию в военную структуру НАТО, откуда ее вывел де Голль, и спустя несколько месяцев его реализовал. Повышенную склонность прислушиваться к американским “рекомендациям” Саркози порой проявлял в связи с событиями в Южной Осетии, хотя, в то же время, сохранял и демонстрировал европейский характер инициативы по урегулированию.

С другой стороны, в своей первой программной речи новый французский президент преподнес немало сюрпризов. В числе приоритетов французской дипломатии Саркози назвал усиление роли Европы в международных делах, наращивание ее оборонительных возможностей⁸⁸, “чтобы она полностью приняла на себя ответственность и роль в обеспечении безопасности своей и мира”, не забыв, впрочем, подчеркнуть, что “совершенствование ЕС собственных сил, их рационализация и организация независимой системы защиты – в интересах США”, имея в виду опасения американцев, что эта система станет скорее конкурентом НАТО, а не его дополнением. Он дал понять Вашингтону, что, хотя дружба с ним для Парижа важна, строиться на основе “безоговорочного подчинения” она не будет – “дружба означает допущение того, что друзья могут думать по-разному”. А его министр иностранных дел Б. Кушнер, отвечая на вопрос, смогут ли США восстановить ущерб, который был нанесен их репутации во время президентства Дж. Буша, заявил: “Уже никогда не будет того, что было до этого, очарование кончилось”⁸⁹.

Саркози подтвердил это, высказавшись за точный график вывода из Ирака иностранных войск, расширение состава Совета Безопасности путем включения туда Индии, Бразилии, Германии и Японии, против чего выступают США, увеличение “восьмерки” до G-13 за счет Индии, Китая, Бразилии, Мексики и ЮАР⁹⁰. А в выступлении перед 180-ю французскими послами он даже подверг критике, правда весьма осторожной, США, которые “не сумели устоять перед искушением одностороннего применения силы и не демонстрируют, к сожалению, в деле защиты окружающей среды потенциала

⁸⁶ Pedder S. Testimony: France in Twenty First Century. New York, 2008, p. 111, 113.

⁸⁷ The Economist, April 5, 2008.

⁸⁸ Между тем общая военная и внешняя политика имеют собственную логику, и она отнюдь не обязательно ведет к солидарности с Вашингтоном.

⁸⁹ The International Herald Tribune, 13.III.2008.

⁹⁰ Все это говорилось до финансово-экономического кризиса и совещаний в формате G-20.

лидерства, на которое они претендуют во всем остальном”. И добавил: “200-летняя дружба и союзничество” французов с США отнюдь не означают, что они непременно должны вытягиваться по стойке смирно”. Наконец в августе 2008 г. французский президент заявил, что “однополярного мира больше нет”.

Не слишком согласуется с планами и установками США заявленное Саркози стремление к дальнейшему неуклонному укреплению ЕС, к созданию реальных и весомых общеевропейских оборонных структур, к общей европейской внешней политике, нашедшее практическое выражение в период его шестимесячного пребывания на посту председателя ЕС, в определенном прогрессе в построении оборонной политики Европы, в явной активизации автономных европейских инициатив. Тот же вопрос возникает и в отношении Англии. Не совсем укладывается в одноцветную проамериканскую схему и неожиданное приглашение Саркози к диалогу организации “Хамас”, его официальный визит в Сирию – страну-изгой по американской квалификации и, наконец, его настойчивые усилия организовать общеевропейский – отличный от американского – ответ на финансово-экономический кризис.

Правомерна мысль, что все подобного рода “диссонансы” вызваны тем, что Саркози претендует на ведущее положение Франции в Евросоюзе. Свою роль естественно играют и повышенные личные амбиции французского президента. Французский журнал “Экспресс”, например, утверждает, что “напористые действия Саркози, нацеленные на лидерство в Европе, уже вызывают напряженность в отношениях Франции с ФРГ”⁹¹. И это близко к истине. Саркози, с его замашками активного политического игрока, который стремится во что бы то ни стало быть на самом видном месте политического подиума, способен нанести определенный, хотя на мой взгляд, кратковременный, преходящий ущерб франко-германскому альянсу, а тем самым европейскому строительству.

Но вряд ли все можно объяснить только названными обстоятельствами, в них отражаются и более глубокие, объективные причины. Среди первых визитов Саркози за рубеж были поездки в Россию и Китай. В Москве он сделал ряд любопытных заявлений: “Многополярность – это реальность современного мира”; “Я друг США, но друг не означает вассал. Сегодня мир не может быть делом одной страны. В мире нет стран, имеющих больше права, чем другие”; “Россия – это великий народ, великая сила, великая цивилизация”; “Европа хочет великую Россию, Европа всегда будет требовать уважения к России”; “В. Путин имеет право создавать великую державу и никто его за это не осудит”. А его министр иностранных дел подчеркивал, что “Россия и Франция остаются стратегическими партнерами” и повторял формулу Саркози о “привилегированном партнерстве”.

Так что в лице Саркози мы, возможно, имеем дело с политиком, который сочетает установку на всемерное повышение роли Франции, вплоть до претензии на ведущее место в Европе, с повышенным стремлением наложить печать своей личности на политический курс страны и тем самым сконцентрировать внимание на себе. Иначе говоря, перед нами политик, от которого можно ждать разворотов в разные стороны, а то и зигзагов на медленном и трудном пути Европы к равноправию с США.

Как и Меркель, Саркози, скорее всего не сможет и не станет далеко отходить от стержневых линий внешней политики Германии и Франции, от вековых и дипломатических традиций своих стран, словом от всего того, что отвечает их фундаментальным интересам, настроениям французов и немцев, позиции большинства в правящих кругах этих государств. Никуда не исчезла и Франция с ее голлистскими рефлексам, и Саркози придется иметь дело с такой Францией.

Наверное, можно допустить, что и британская политика не застрахована от каких-то перемен. Разумеется, ориентация на культивирование особых отношений с США, возрожденная после Суэцкого фиаско 1956 г., сохранится. Но вряд ли в Англии когда-либо вновь появится “чистопородный американский” премьер наподобие Блэра.

⁹¹ Le Express, 29 septembre, 2007.

На эти мысли наводит уже первый визит в Вашингтон нового премьера Г. Брауна, где он “дистанцировался как от Буша, так и от некогда обожаемого Блэра”⁹².

Как бы то ни было, есть основания исходить из того, что “наследство” Ширака и Шредера не пропадет втуне. Думается, права немецкая газета “Ди Вельт”, написав: “Пути назад к добрым старым временам Гельмута Коля, когда по обе стороны Атлантики все было упорядочено, нет... Новое немецкое самосознание эпохи Шредера никуда не уйдет”⁹³.

* * *

Особый вопрос – отношения ЕС с Россией. И тут следует, к сожалению, признать, что антироссийские усилия американцев и их “троянских коней” не остались безуспешными. Весьма серьезный и раздражающий момент в отношении Европы и России внесли США, добившись в Бухаресте одобрения своих планов по разворачиванию в Европе структур ПРО. И это новое отступление, хоть во многом формальное, перед лицом американских требований никак не оправдывается тем, что Вашингтон наряду с жестким давлением использовал, по выражению “Экономиста”, немало “sweeteners” – “сладостей” в виде обещаний уступок России на переговорах по ПРО.

Заметный негативный элемент в отношении между странами ЕС и Россией внес недавний “газовый” спор между Россией и Украиной. Но его влияние, скорее всего, окажется преходящим – признаки этого уже очевидны – особенно, если Россия сумеет убедительно продемонстрировать свою надежность как энергопоставщика, даже вопреки украинскому саботажу.

В российско-европейских отношениях есть и другие относительно “долгоиграющие” раздражающие моменты, например активное проникновение западных стран, нередко в координации с США, на Южный Кавказ и Центральную Азию, отчасти за счет позиции России в этих регионах.

Остается надеяться, что время снимет эмоциональный “навес” над реальными проблемами, стороны осознают пределы тестирования позиций на прочность и отдадут предпочтение деловому сотрудничеству, для чего нужен серьезный диалог. Не случайно экономическое сотрудничество развивается и расширяется динамично, без особых помех. Российско-французский товарооборот, например, в последнее время увеличивался на 30–40% в год и достиг 13,5 млрд долл., а в ФРГ соответствующий показатель в 2006 г. поднялся до рекордной цифры в 50 млрд евро. Событием, имеющим и перспективное значение, явилось получение французским концерном “Тоталь” 25% акций Штокмановского месторождения. И самое важное – Россию и ЕС связывают капитальные общие интересы, и именно это призвано сыграть решающую роль. Жизнь будет их толкать к стратегическому партнерству.

Характерно в этом смысле высказывание Х. Соланы в интервью, данном российскому телевидению 14 февраля этого года: “Растущая роль Азии не должна изменить центральную роль США, ЕС и России”, “такой треугольник чрезвычайно важен для управления миром”. Эта формула вряд ли приемлема в таком виде для России, она важна, однако тем, что, по-своему, подтверждает неразрывную связь интересов ЕС и России.

Стоит особо отметить то, что ведущие государства Евросоюза – ни Германия и Франция, ни Италия и Испания – не готовы изменить свою парадигму отношений с Россией, отказаться от дружественного сотрудничества с нею. Они отвергают политику “сдерживания” России, которую рекомендуют, если не навязывают, определенные круги в Европе и за океаном. Характерна в этом смысле позиция немецкого канцлера. Не последовав за Шредером в его дружеской близости с Путиным и не избегая критических замечаний в адрес России, пустив в ход новую формулу о “стратегической кооперации”, Меркель, однако, не сошла с магистральной германской политики в отношении Москвы.

⁹² The Economist, August 4, 2007.

⁹³ Die Welt, 27.IX.2006.

Дело не только в заинтересованности Германии в гарантированном энергетическом снабжении и прочных, широких торговых связях. Для построения надежной европейской безопасности, налаженного энергетического снабжения, авиационной и космической автономии, развития трансконтинентальной транспортной инфраструктуры – во всем этом ЕС нуждается в России. Россия – мост для Европы к Тихому океану и Азии.

Дальновидные политики не могут не видеть, что Россия заинтересована в прогрессивном развитии европейского сообщества, они не могут не понимать, насколько велики горизонты германо-российского сотрудничества, имеющие общеевропейское и, смею сказать, общемировое значение. Это сотрудничество способно существенно укрепить влияние Европейского Союза и, нечего скрывать, повысить роль России в европейском раскладе сил. “Стратегическое партнерство с Россией, – заявил государственный министр МИД ФРГ Г. Эрлер, – оказалось прочной основой наших отношений... Мы хотим продолжать и развивать стратегическое партнерство с Россией во всех областях. Как в двусторонних отношениях, так и в рамках ЕС Россия стала для нас важным, во многих случаях незаменимым партнером. Развитие и углубление наших отношений относится к приоритету немецких интересов”⁹⁴. Показательно, что подтвердив эту принципиальную позицию, немцы тут же удостоились назиданий от своих американских и британских коллег. В частности, в редакционной статье, посвященной Евросоюзу, “Экономист” писал: “Германии в особенности необходимо меньше заикливаться на дружбе с Россией”⁹⁵.

В Европе, однако, все лучше понимают: отчуждение от России, противопоставление ей серьезно осложнит, если вообще не сделает маловероятной, перспективу обретения Европой автономии, снизит ее шансы на превращение в мировую силу, способную конкурировать как с США, так и с Азией.

* * *

Объединение Европы, превращение ее в действующее лицо, никому не уступающее по влиянию в игре на мировой сцене, весьма важно в нескольких отношениях. Это важно для самой Европы, для ее динамичного, нестесненного и самостоятельного развития, для подъема ее энергии и пассионарности. Это важно для Соединенных Штатов, ибо станет одним из сильнейших стимулов к устранению перекосов в их внешней политике и переходу на более здоровый курс. Это важно для мира в целом, способствуя демократизации международной жизни, реальному подходу к решению назревших в ней проблем, урегулированию отношений Запада с мусульманской общиной планеты, препятствуя возможным попыткам сохранить “сверхдержавность” США в международных отношениях.

В историческую полосу, когда начались беспрецедентные изменения в иерархической структуре мира, и ряд государств, естественно тесня некоторые другие, претендует на новый, державный статус, Европа с ее многовековым опытом, с ее уважением к международному праву и с обретенным “культом мира”, с ее знанием Востока и, наконец, с ее ориентацией на “мягкую силу” могла бы серьезно способствовать неконфликтному, эволюционному развитию этого неизбежного процесса.

Когда речь идет о Европе, как субъекте международной политики, чаще всего, особенно американские авторы, рассматривают лишь два возможных варианта: Европа, находящаяся под сенью США, подвластная ее гегемонии, либо Европа, противостоящая Вашингтону.

Думается, первый вариант маловероятен, а второй – едва ли возможен: оба они отвергаются самим ходом событий. Первый – логикой пути, по которому уже начала идти Европа, ее крепнущим стремлением стать равноправным и полноправным субъектом международных отношений. Второй – логикой пути, уже пройденного Европой:

⁹⁴ Независимая газета, 23.IX.2006.

⁹⁵ The Economist, May 19, 2007.

США и Европу давно и прочно объединяют военные, экономические, политические интересы, история, традиции, наконец, ценностные и иные духовные связи, которыми, пусть в разной мере, дорожат обе стороны и не собираются ни ослаблять их, ни тем более разрывать.

На самом деле есть, как представляется, наиболее жизнеспособная альтернатива – Европа самостоятельная, автономная, тесно сотрудничающая с США, наравне с ними участвующая в решении международных вопросов. Сейчас принципиальный вопрос для Европы – политическое самоопределение, защита своей национальной, культурной и социально-экономической идентичности (т.е. своего вида капитализма и социального государства) от американского напора. И самостоятельность отнюдь не означает противопоставления США, а лишь свою собственную автономную позицию. Иначе говоря, она означает конкуренцию, а иногда и соперничество в контексте тесного сотрудничества.

Разумеется, это будет трудный и не прямолинейный процесс. Но он уже идет и он не остановим. Собственно, это предсказывают даже американские спецслужбы. “Скорее ЕС, а не НАТО (к 2020 г. – К.Б.) – говорится в докладе Национального Разведывательного Совета США – станет во все большей степени превращаться в главный институт Европы, и роль, которую европейцы будут определять для себя на мировой сцене, вероятнее всего будет проецироваться через него”⁹⁶. Правда, политика не всегда развивается в соответствии с логикой. Есть еще и вопрос политического выбора.

США, набив “синяков” в Ираке, Афганистане, в мировом общественном мнении, прилагают особые усилия, чтобы сохранить ставшие почти традиционными “асимметричные” отношения с Европой. Поэтому, разумеется, самоопределение Европы может реализовываться лишь через преодоление негативного отношения или даже сопротивления со стороны США. Впрочем, невозможно абсолютно исключать, что Соединенные Штаты – разумеется, после ликвидации “бушизма” – займут более эластичную позицию, хотя и она, наверное, не будет означать отказа от претензий на гегемонию.

Установившаяся в Вашингтоне после очередных выборов власть демократов будет вести дело к улучшению отношений с Европой, и это уже происходит. Известно, что демократы поставили на вершину своих приоритетов – уменьшить антиамериканизм в мире, и фигура Б. Обамы, по крайней мере, ныне, очень выгодна в этом смысле. Во всяком случае, если конфликтное развитие отношений между Европой и США представляется невозможным, это не делает невозможным их изменение. Более того, оно, хоть и медленно, хоть порой и по схеме – шаг вперед, два шага назад – но уже происходит. Еще пять лет назад под пером Д. Мойси родилась фраза о том, что теперь есть “одна Европа и два Запада”. Некоторое время спустя и Ф. Фукуяма отнюдь не случайно задался вопросом: «В чем смысл термина “Запад”»?⁹⁷

Сегодня такие заявления уже не кажутся большим преувеличением. Показательно мнение на этот счет одного из наиболее авторитетных американских экспертов по международным проблемам, президента Совета по внешней политике Р. Хааса. Он предсказывает: “Эти несогласия останутся более фундаментальными и более устойчивыми, чем недавнее улучшение в трансатлантических отношениях, связанное с приходом к власти более центристских и более проамериканских правительств в Германии и Франции. В результате Соединенные Штаты часто будут не в состоянии рассчитывать на поддержку традиционных союзников”⁹⁸. Касаясь отношений США с союзниками (и противниками), Хаас говорит о наступлении в них “эры Пальмерстона”, имея в виду знаменитое изречение британского премьера: “У Великобритании нет ни вечных друзей, ни вечных врагов, вечны лишь ее интересы”.

⁹⁶ Mapping the Global Future..., Rising Powers, p. 10.

⁹⁷ The International Herald Tribune, 9.VIII.2002.

⁹⁸ The National Interest. January – February, 2008.

В заключение попытаемся ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи. Да, Европа может сказать “нет” однополярному миру и американскому “патронажу”, если процесс ее интеграции и более тесного объединения будет успешно продвигаться с должным вниманием и уважением к национальной идентичности ее членов, к обеспечению массовой поддержки этого процесса и не будет торпедирован национальным эгоизмом. Да, если американская политика сохранит свой гегемонистский характер, а США будут и впредь цепляться за роль патрона Европы. Первая возможность вероятна, хотя и потребует для реализации долгие годы, причем в предстоящий период процесс “автономизации” может замедлиться не только в силу того, что по мере развития процесса интеграции его сложность возрастает, но и вследствие противодействия США и их “пятой колонны” в ЕС – Польши и стран Балтии, которое очевидно будет нарастать. Вторая – более вероятна, чем любая иная возможность.

Пока Европа не сделала выбора, не зная, что выбрать: сохранить ли по инерции ассиметричные отношения США или же пойти решительно, более определенно по пути автономии. Тем не менее логика развития, “стрела” времени и движения Евросоюза подталкивают его к самостоятельности.

Правда, существует несколько “но”, которые могут изменить ход событий. Одно, правда, весьма маловероятное, это “анабиоз” Европейского Союза, другое – серьезное обострение международной обстановки, вползание в бездумно развязываемый Вашингтоном конфликт с мусульманским миром, катаклизм, чреватый мировым потрясением. Будем надеяться, что ни того, ни другого не произойдет.

Как бы ни было, даже если политическое объединение Европы затянется, она и в таком виде будет откалывать “куски” от влияния США и расширять свое влияние в разных регионах, посягая на “владения” американского партнера и протектора.

Остается сказать, как соотносятся российские интересы с происходящими в американо-европейских отношениях процессами, которые, не исключено, могут привести к внешнеполитическому самоопределению Европы. Россия, разумеется, внимательно относится к этим процессам и заинтересована в том, чтобы Европа выступала в роли мощного и самостоятельного игрока на международной арене.

Эта позиция, конечно, не имеет ничего общего с оставленными в прошлом безуспешными попытками поиграть на противоречиях между США и Европой, и даже подогреть их. Новая Россия исходит из того, что равноправное сотрудничество США, ЕС и России является императивом в существующих международных условиях.

Заинтересованность России в европейской самостоятельности определяется тем, что такое положение Европы позволит ей раскрыть и проявить максимум своих возможностей в решении назревших глобальных проблем. Такое положение обеспечит и наилучшие предпосылки для всемерного расширения сотрудничества Европы с Россией.